

Трафимовская
Урен Агнер

Кисслова Н.

Н. Кисслова

Приключения Ирен Адлер

«Издательские решения»

Кислова Н.

Приключения Ирен Адлер / Н. Кислова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904474-7

Книга приподнимает завесу тайны над историей единственной женщины, перехитрившей знаменитого Шерлока Холмса. Великий ум и великая аферистка, которая направила свой талант и энергию не на защиту правопорядка, а против него. Никто прежде так легко и играючи не нарушал закон. Ирен Адлер — самый хитрый и неуловимый преступник, которого когда-либо встречал мир. Она не оставляет следов и возможности вырваться из ее цепких лап. Для неё воровство — это искусство, а кража — особый вид удовольствия.

ISBN 978-5-44-904474-7

© Кислова Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
КНИГА I. Ненастоящее настоящее преступление	8
Глава 1. Один патрон	8
Глава 2. Идеальный преступник	11
Глава 3. Скелеты из листьев	14
Глава 4. Труп	19
Глава 5. Дьявол в деталях	24
Глава 6. Жало или шип	32
Глава 7. Обман зрения	39
Глава 8. Немного солнца, просыпанного на дороге	43
Глава 9. Дядя Джек	46
КНИГА II. Блеф	48
ЧАСТЬ 1. Лувр	49
Глава 1. Мистер Траблс	49
Глава 2. Лиззи	53
Глава 3. Князь	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Приключения Ирен Адлер

Н. Кислова

Редактор Элеонора Арни

© Н. Кислова, 2018

ISBN 978-5-4490-4474-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Oh, mon Dieu!¹» – воскликнула бы старая миссис Адлер, если бы увидела, во что они превратили ее дом. Воскликнула бы на французском, потому что являлась она истинной француженкой, хотя ее покойный муж был немец, и разговаривали они в доме на немецком. Но только родной язык позволяет передать подлинные чувства, поэтому ругалась и удивлялась старая миссис Адлер всегда по-французски.

И этот раз не был бы исключением, поскольку удивляться тут действительно было чему. Казалось, кто-то жестоко надругался над богатым убранством великолепной тенистой виллы: в спальне второго этажа, обставленной некогда с французским шиком, на месте огромной кровати вдруг образовалась старая деревянная лодка, подвешенная к потолку с двух сторон на толстых канатах. Так как эта внушительная конструкция должна была выполнять ту же функцию, что и стоявшая тут ранее кровать, изнутри лодки было вырублено все лишнее, и от самого носа до кормы теперь простиралась белоснежная перина, покрытая пуховым одеялом и множеством разноцветных подушек. Приводимая в движение теплыми порывами ветра из распахнутого в жаркий день окна, лодка мерно покачивалась на небольшом расстоянии от пола под еле слышное поскрипывание канатов, чем напоминала огромные, странного вида качели, только что брошенные ребенком-великаном.

В соседней спальне кровать, как ни странно, представляла собой только кровать и ничего кроме. Конечно, она была не простая, а поистине королевская: гигантских размеров, с четырьмя стойками по углам и закрепленным на них бархатным балдахином с кистями, но, слава богу, это была не лодка. Зато здесь имелось кое-что похуже: прямо посреди комнаты в полу была вырублена круглая дыра, достаточно большая для того, чтобы взрослый, не слишком упитанный человек, пролез в нее без каких-либо затруднений. На одном из деревянных брусков, державших потолок, был закреплен толстый корабельный канат – такой же, как те, что держали лодку в другой комнате (похоже, в этом доме очень любили канаты); он спускался вниз, проходил через дыру в полу и исчезал в пространстве первого этажа. Конец каната был увенчан колокольчиком, который громко звенел, оповещая владельца комнаты о непрошенных гостях, если бы оные захотели вторгнуться к нему во владения таким странным образом. Но желающих взбираться на второй этаж по веревке никогда не находилось, поэтому колокольчик звенел исключительно в те моменты, когда кто-то спускался сверху вниз, а потому практической пользы никакой не имел, лишь только иногда оживлял переливчатым звоном и без того веселую атмосферу просторного жилища. Впрочем, спуститься со второго этажа можно было и более привычным способом – по лестнице, – которая, однако, тоже была не простая. Она была не винтовая и не угловая, как этого следовало ожидать, а совершенно прямая и очень крутая, идущая практически вертикально вниз с едва заметным уклоном, с открытым пространством под ступенями, в глубине которого утопало множество книг. Издалека она и вовсе не походила на лестницу, и незнающий человек мог с легкостью принять ее за книжный шкаф.

Конечно, было в доме и много обыкновенных вещей: массивные сундуки и корзины, шкафы, зеркала и мягкие, обитые бархатом кресла, керосиновые лампы, бронзовые канделябры и вазы, и много еще такого, чем свойственно наполнять дом. Однако и здесь присутствовало нечто необычное. Привычный порядок вещей был странным образом нарушен: многие из них или находились не там, где полагалось, или же использовались не по назначению. Например, стоявший всегда в углу сундук для белья разместился теперь возле висящей лодки-кровати и использовался, помимо прочего, еще и как ступенька, а иногда и как столик. Также неподалеку с потолка свисала металлическая немного проржавевшая клетка для птиц, внутри

¹ О, Боже! (фр.)

которой почему-то густо цвели незабудки. Заполнив все пространство клетки, они выбивались наружу сквозь вертикальные прутья. Снаружи клетки, к самому ее дну были прикреплены круглые плоские настенные часы, и увидеть на них время можно было лишь лежа на кровати или на полу. Кованые лепестки и завивающиеся стебли настенных светильников и вовсе использовались как крючки, на которых были развешаны невероятной роскоши драгоценности. Бриллиантовые и жемчужные кольца, изумрудные серьги и рубиновые браслеты играли в солнечном свете дня тысячами радужных бликов и совсем не сочетались с холодной сдержанностью бронзовых светильников.

Да, старая миссис Адлер точно бы ругалась по-французски, если бы увидела все это. Но, к счастью, она умерла (к счастью – для ее слабого сердца, разумеется, которое бы все равно не выдержало подобного варварства в ее родовом поместье). Несмотря на кажущийся хаос, надо отдать должное, в доме царили чистота и порядок. Однако все-таки порядок странный: казалось, созданный по уразумению какого-то взбалмошного ребенка. В сущности, молодые люди, которые предпочли былой французской элегантности это чудовищное безобразие, и были детьми.

Мисс Ирен Адлер недавно исполнилось семнадцать лет, а ее старшему брату Сержу – девятнадцать. Несколько лет назад они потеряли в страшной катастрофе родителей и оказались на попечении бабушки, которая, оставив в распоряжении слуг свой особняк на юге Франции, отправилась в Нью-Джерси, в дом дочери Лорейн Адлер. Старая вдова, не терпящая возражений, приняла решение продать дом, который, на ее взгляд, не давал детям забыть о страшном горе и жить дальше. Не пожалев ни горничную, ни садовника, проработавших в семье большую часть жизни, вместе с двумя внуками она вернулась во Францию. Однако миссис Адлер сильно ошибалась, полагая, что жаркое солнце Прованса растопит лед, сковавший сердца юных Ирен и Сержа, а смена обстановки поможет им быстрее оправиться. Лишившись в одночасье абсолютно всего, что напоминало им о прошлой счастливой жизни, будто бы вырезанные из живого тела органы, брат с сестрой погрузились в какое-то полуобморочное, безотрадное оцепенение. Пришлось миссис Адлер снова ехать в Америку и разыскивать брошенных на произвол судьбы горничную и садовника семьи Адлер, поскольку они представляли собой последнее и единственное живое напоминание о родителях, так как вернуть дом, распроданные вещи и трех собак уже не представлялось возможным.

Вероятно, четыре утомительных путешествия через Атлантику отрицательно сказались на здоровье старой вдовы, и однажды ночью она тихо скончалась у себя в постели от остановки сердца. Юные же мисс и мистер Адлер по прошествии достаточного количества времени в обществе давних друзей – горничной Урсулы и садовника дяди Джека, – напротив, потихоньку оттаяли, ожили и зашевелились. Постепенно привычный уклад дома изменился под стать новым хозяевам. Большое количество бабушкиных слуг было распущено за ненужностью, дядя Джек занялся садом и хозяйством, а Урсула – домом и кухней. Потихоньку все четверо стали привыкать к новому жилищу, превратившемуся со временем в необыкновенное маленькое царство, которому они дали английское название «Адлер-Хаус»², как напоминание о доме в Америке.

² «Адлер-Хаус» (от англ. house – «дом») – «Дом Адлеров».

КНИГА I. Ненастоящее настоящее преступление

Глава 1. Один патрон

Несколько лет спустя.

– Что вы станете делать, господа, если у вас в стволе один патрон, а вы окружены врагами? – подал голос мистер Блумфилд. Он любил вставить в скучные застольные разговоры какой-нибудь каверзный вопрос или неоднозначную мысль, но не из благих побуждений оживить беседу, а лишь затем, чтобы привлечь внимание к своей персоне и зарекомендовать себя в обществе как человека неординарного и интересного. Общество, однако, считать его таковым никак не хотело, о чем, в свою очередь, не подозревал мистер Блумфилд, и потому продолжал радовать всех своими высказываниями, среди которых изредка встречались и достойные экземпляры.

– Зависит от того, сколько их человек, – лениво ответила миссис Лэйтон.

– И вооружены ли они, – добавил мистер Вествик.

С разных концов стола послышались комментарии:

– Ну, раз вы окружены, значит, их явно больше двух, – заключил чей-то женский голос.

– Это неважно, господа. Допустим, их пять человек, – продолжал мистер Блумфилд, – а что касается оружия, давайте рассматривать разные ситуации.

– Ну, если эти люди не вооружены, то нужно стрелять в главаря. Без главаря любая банда или шайка распадется, – предложил тот же женский голос.

– Почему обязательно банда или шайка? Может, это группа военных? Тогда, при условии смерти старшего по званию, главнокомандующим становится следующий по званию.

– При чем здесь вообще главнокомандующий? Вас же хотят убить?

– Никто ничего не говорил про убийство! Вы окружены.

– Но окружены врагами! Предполагается, что они хотят что-то с вами сделать. Хорошо, пусть не убить, пусть связать...

– Да, но...

– Дамы, дамы! Спокойствие! Я думаю, миссис Лэйтон имела в виду, что несколько секунд их замешательства дадут вам возможность что-то предпринять.

– Только при условии, что они не вооружены, – снова сказал мистер Вествик в присущей ему неуверенной манере. Он пожевал свои пухлые фигурные губы, выделявшиеся ярко-красным пятном на молодом, лишенном загара лице и добавил: – В противном случае это не даст никаких результатов.

– А если вооружены?

– Если вооружены, нужно застрелиться самому!

На разных концах стола заспорили.

– Ну, знаете, не самое лучшее решение, на мой взгляд, – возразила мисс Чепмэн – чопорная старая дева, давно потерявшая свою привлекательность, но не лишившаяся, однако, подвижности ума.

– Все лучше, чем пытки, если вас возьмут в плен.

– Да, но мне казалось, мы придумываем, как остаться в живых, имея всего один патрон.

При чем здесь пытки?

– Нет, вы не правы, мисс Чепмэн. Вопрос был сформулирован так: что вы будете делать, если вас окружили враги, а в револьвере всего один патрон.

– Тогда нужно четче сформулировать предмет разговора, иначе совершенно непонятно, что хотят ваши...

– А в какое время суток это происходит: днем или ночью, мистер Блумфилд? – громко вставил женский голос, молчавший до этого.

– Разве это имеет значение, мисс Адлер? – удивился мистер Блумфилд.

– Огромное.

– Хорошо. Пусть будет ночь.

– Прекрасно. Тогда я знаю, как остаться в живых, будучи окруженным врагами и имея при себе лишь один патрон.

Взгляды обратились на говорившую.

– Нужно стрелять в источник света. Будь это лампа или свеча. Во мраке легко будет скрыться, особенно в первые несколько секунд в возникшем хаосе, пока глаза ваших врагов еще не привыкли к темноте.

Это заявление вызвало волну негодования у сидящих за столом.

– Кстати, – продолжала мисс Адлер, не обращая внимания на гул, – сразу после выстрела, на мой взгляд, лучше всего резко опуститься вниз: возможно, кто-то начнет стрельбу, что в свою очередь тоже может обернуться для вас пользой, если какие-то из пуль угодят в ваших врагов.

– А как же ваши глаза, мисс Адлер? Вы ведь тоже не сможете ничего видеть в первые несколько секунд, – насмешливо выкрикнул чей-то мужской голос, пропустив мимо ушей вторую часть разъяснений. Это был мистер Лэйтон, муж миссис Лэйтон, привлекательный джентльмен около сорока лет, который до сего момента не участвовал в разговоре, потому что уже четверть часа нашептывал очаровательной соседке по столу какие-то глупости, однако краем уха улавливал абсолютно все, что говорили остальные гости.

Мисс Адлер снисходительно улыбнулась:

– Господа, вам известно, почему многие пираты и, кстати, не только пираты, но и обычные моряки, носили черную повязку на одном глазу? – спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Они делали это вовсе не потому, что были одноглазыми, а потому, что часто спускались в трюм корабля, где был полумрак, который после яркого морского солнца казался абсолютной темнотой. Чтобы не тратить время на привыкание к смене освещения, один глаз пираты всегда держали в темноте. Спускаясь в трюм, повязку убирали и видели вполне хорошо.

Некоторые из гостей заулыбались.

– Так вот... Я бы заранее закрыла один глаз, постаралась бы с помощью разговора потянуть время, а в нужный момент воспользовалась бы полученным преимуществом.

– А если в руках факел, а не лампа? – не унимался мистер Лэйтон. Он склонил голову и слегка улыбнулся, отчего его лобные складки над темными, густыми, если не сказать пушистыми, вечно приподнятыми, словно от жалости или недоумения, бровями, расправились, оставив под собой лишь тонкие едва уловимые полоски морщин. – Пулей его не затушить.

Он уже отвлекся от соседки, и теперь все свое внимание перенес на мисс Адлер. Он любил дразнить ее и старался не упускать ни единой возможности это сделать. Не то чтобы он испытывал к ней какую-либо неприязнь, наоборот, эта молодая, с виду почти юная особа казалась ему крайне интересной. Ее острый ум, гордая и независимая манера держаться, громкий голос, уверенный тон, и даже ее вечные насмешливые огоньки в глазах – все это напоминало ему себя самого в молодости. Но как раз это и не нравилось мистеру Лэйтону. Он как бы не желал отдавать кому бы то ни было право быть похожим на него, а потому каждый раз вступал с мисс Адлер в словесную перепалку, будто испытывая ее на прочность, будто проверяя, заслуживает ли она этого права.

– С этим сложнее, – ответила мисс Адлер, – но можно попробовать выстрелить в руку, которая держит факел. Если он упадет вниз огнем, то, возможно, потухнет. По крайней мере, попытаться стоит.

– А если нет?

– Тогда вам не повезло, – улыбнулась она. – Но! Если действие разворачивается не среди каменных городских улиц, а где-то на природе или, наоборот, в доме, то упавший факел может за считанные секунды превратиться в пожарище, что тоже не такой уж плохой отвлекающий маневр.

– Что ж, мисс Адлер... – подытожил мистер Лэйтон. Он коротко хохотнул. – Для ночной сцены ваш выход из положения вполне приемлем, я бы даже назвал его симпатичным.

Послышались возгласы одобрения. Мистер Блумфилд, от которого, собственно, и поступил вопрос, тоже хотел подвести итог и похвалить мисс Адлер за лучшее предложение, и даже открыл было рот, однако мистер Лэйтон вдруг снова заговорил, заглушив своим голосом неуверенное вступление мистера Блумфилда:

– Но что вы скажете про день? Что вы станете делать, если действие будет разворачиваться днем?

Мистер Лэйтон состроил насмешливую гримасу, заранее предчувствуя вкус победы. Хотя он сам не предложил никакого решения, в данном случае победить для него означало не дать победить другому. Большую часть времени он был приятным, воспитанным человеком, но когда дело доходило до спора или соревнования, превращался в сущего ребенка.

Мисс Адлер ухмыльнулась, опустила голову, будто бы показывая, что до последнего давала мистеру Лэйтону шанс, а затем, окинув всех гостей взглядом, полным насмешливых огоньков, сказала:

– В такой ситуации, господа, я бы стреляла в солнце и, как и в первом случае, скрылась бы в наступившей темноте. Но... – она подняла указательный палец вверх, призывая собравшихся дать ей возможность договорить, – мне было бы очень жаль, что я навсегда лишаю детишек удовольствия забавляться с солнечными зайчиками.

Гости одобрительно захохотали, а некоторые даже зааплодировали. Сам же мистер Лэйтон, заколебавшись на долю секунды, все-таки издал два коротких хлопка и, улыбнувшись, кивнул мисс Адлер, признавая заслуженную победу.

Глава 2. Идеальный преступник

В поместье Киддинг Холл, графство Суррей, царило веселье. На юбилей мистера Эглингтона собралось немало гостей, и большая их часть планировала провести здесь не менее двух недель. Хозяин поместья был открытым, дружелюбным человеком, и имел множество друзей в совершенно разных сферах жизни, поэтому публика была разномастной и весьма интересной. Лето стояло теплое, не дождливое. Большинство болот подсохло, поэтому охотиться было одно удовольствие. Вечера скрашивали приглашенные музыканты, танцоры, актеры, а иногда и сами гости не прочь были собственными силами поставить какую-нибудь пьесу.

– Может, в этот раз поставим «Макбет»? – поступило предложение от одного из гостей.

– Ох! Шекспир до смерти надоел.

– А что вы думаете, миссис Эглингтон?

– Спросите совета у мисс Адлер, она полна блестящих идей, – отмахнулась хозяйка дома, тут же вернувшись к разговору с парой других таких же непривлекательных дам.

– А вот и правда, – поддержал мистер Лэйтон, пропустив ехидство миссис Эглингтон мимо ушей, и повернулся к Ирен: – Я давно знаю мисс Адлер. Она блещет всегда, и не только идеями. Она даже может лишить нас всех солнца, если понадобится.

– О, вы меня переоцениваете, – улыбнулась Ирен. – Просто я очень люблю разгадывать загадки. Это мой опиум.

– Значит, мисс Адлер могла бы быть неплохим детективом, – заключил мистер Эглингтон.

– Пожалуй, но быть детективом скучно.

– Вот как? Тогда кем же, по-вашему, быть не скучно?

– Преступником. Это куда интереснее.

Мистер Эглингтон и мистер Лэйтон захохотали в один голос.

– Но не просто преступником, а идеальным преступником.

– И каким образом это связано с загадками? – спросил мистер Лэйтон.

– Очень простым, – пояснила Ирен. – Совершая преступление, вы создаете загадку, которую детектив будет разгадывать. Чтобы быть идеальным преступником, нужно придумать такую загадку, которую детектив не сможет решить. И это более сложная и более интересная задача, чем раскрытие совершённого преступления. Жаль только, что все преступники слишком глупы, чтобы быть детективами, а все детективы слишком честны, чтобы быть преступниками. Блестящие детективы – это блестящие преступники. Потенциально.

– Что ж, это весьма необычная мысль, – сказал мистер Эглингтон.

– Согласен, – кивнул мистер Лэйтон. – И с вами тоже, мисс Адлер. С вашими последними двумя утверждениями.

Ирен улыбнулась.

– Возвращаясь к тому, что вы сказали... – обратилась Ирен к хозяину дома. – Пожалуй, я могла бы стать хорошим детективом. Но еще лучшим преступником.

– Будь вы преступником, дорогая, что бы вы... хм, как бы лучше выразиться... что бы стало объектом ваших изысканий, позвольте узнать?

– Что-нибудь очень ценное, мистер Эглингтон. Я бы не стала попусту расходовать талант. Например, ваша фамильная диадема мне бы приглянулась, – Ирен широко улыбнулась, прикрыв на миг глаза. Она знала цену своим длинным ресницам.

– Она не шутит?! О, это потрясающе! Нет, вы слышали эту плутовку? Моя фамильная диадема ей бы приглянулась, – мистер Эглингтон шумно засмеялся, отчего из уголков его глаз, будто два пучка загнутых в разные стороны прутьев, потянулись десятки морщин, изломанных под тупым углом и опускающихся прямо на круглые мясистые щеки. Он и все присутствовав-

шее здесь общество не привыкли к такой наивной, почти неприличной прямоте. – И что бы вы предприняли для этого, поведайте же нам?

– Прошу прощения, сэ, – вдруг раздался голос откуда-то сзади.

– Что? – мистер Эглингтон повернулся и воззрился на не пойми откуда взявшегося дворецкого. Слуги всегда напоминали ему привидений. – В чем дело? – спросил он, недовольный тем, что его веселье так бесцеремонно нарушили в самый неподходящий момент.

– Прошу прощения, сэ. К вам прибыл еще один гость. Сэр Себастьян Аттал. Он ждет внизу.

– А, Себастьян, – вмиг просветлел хозяин дома. – Так пригласи же его скорее. Я познакомлю его с нашей чудесной мисс Адлер.

Последняя фраза была брошена скорее самой мисс Адлер, нежели дворецкому. Впрочем, его к тому моменту уже как ветром сдуло.

Через несколько минут в гостиную вошел высокий красивый молодой человек. Это был один из представителей того редкого вида людей, появление которых не может остаться незамеченным. Они приходят не одни, а всегда в сопровождении какого-то невидимого, но хорошо осязаемого ореола благополучия, успеха и процветания, и излучают такую непоколебимую уверенность и обаяние, что вероятность не попасть под их влияние также бесконечно мала, как вероятность стоящего в поле человека увернуться от солнечных лучей в ясный день, после чего у присутствующих в голове непременно возникает лишь одна мысль: «Наконец-то вы пришли! Только вас мы и ждали!».

Что касается наружности, новоприбывший господин являл собой статного джентльмена с прямой осанкой в дорогом наряде, скроенном по последней моде и сидевшем на стройной подтянутой фигуре идеально. Но все-таки наряд этот нельзя было назвать безукоризненным, ибо присутствовала в нем некая легкая небрежность, которая характеризовала своего владельца как персону творческую, увлеченную и незаурядную. Вместе с тем это был человек высокоинтеллектуальный, хорошо образованный, с трезвым умом и критической оценкой всего вокруг, исключительно проницательный, наблюдательный и дальновидный. У него были благородные строгие черты лица и совершенно необыкновенные мальчишеские, если не сказать детские, лукавые глаза, которые выдавали в твердой натуре абсолютно беспечную, чистую, ребяческую душу с неумной жадой жизни и невероятным человеколюбием.

Взгляд его был особенным: насмешливым и беспокойным. Казалось, этот человек из последних сил удерживает в себе поток неистовой буйной энергии, способный в любую секунду вскипеть и вырваться наружу, приняв совершенно неожиданную форму в зависимости от того, что вызвало этот взрыв: от холодного стихийного гнева до безудержного хулиганского веселья.

Впрочем, если и был в этом мире некто, способный унять и охладить подобного рода энергию одним только своим присутствием, то он сейчас находился на расстоянии вытянутой руки.

– А это несравненная очаровательная мисс Ирен Адлер, – представил хозяин дома свою последнюю гостью. В процессе знакомства новоприбывшего господина с гостями, он намеренно продвигался от одного конца зала в другой таким образом, чтобы жемчужина его вечера замкнула круг знакомств.

– Сэр Себастьян Александр Аттал. *Enchanté!*³ – представился господин и поцеловал протянутую руку.

– Совершенно удивительный человек, мой недавний знакомец, ставший дорогим другом за столь короткое время, – продолжал мистер Эглингтон. – Кстати, как и вы, мисс Адлер.

³ Приятно познакомиться (фр.)

– Очень рада знакомству! – почти прошептала в ответ девушка и улыбнулась не столько губами, сколько уголками своих блестящих серо-голубых глаз, как две капли воды похожих на глаза сэра Себастьяна.

Глава 3. Скелеты из листьев

На следующий день, после охоты и плотного обеда, решено было перебраться в сад. Жара уже спала, но солнце еще стояло высоко в небе и мягким теплым светом заливало все вокруг. Сад был просторный со множеством цветов и широких скамеек. Там, где они, обрамляя небольшую поляну, выстроились полукругом, собралась большая часть гостей. Играли в крокет. Среди них не было только двух человек.

Мисс Адлер уселась поодаль в небольшое плетеное кресло в тени громадного раскидистого вяза. Рядом находился круглый столик, отделявший второе кресло. Этот ансамбль стоял особняком от всех остальных скамеек и кресел, и даже был чуточку отвернут от них, а потому мисс Адлер расположилась в кресле немного боком, чтобы держать в поле зрения играющих. Мистер Эглингтон с любопытством изучал свою гостью издалека. Было в ее манере держаться что-то королевское: и то, как она сидит, и то, как сложены ее руки и вытянута шея. Однако нельзя было обнаружить в ней ни спеси, ни тщеславия – лишь каплю гордости, на которой зиждется самоуважение. Казалось, это мать наблюдает за веселой суетой своих детей.

В другом углу сада мистер Эглингтон увидел сэра Себастьяна. Он нагнал гостя, и они вдвоем, не торопясь, пошли по каменной дорожке, непринужденно беседуя.

– Отлично поохотились, не правда ли?

– Кажется, сегодня к ужину будет дичь. Я угадал? – усмехнулся гость.

– Вам тоже это нравится? – с улыбкой спросил мистер Эглингтон, проследив за направлением его взгляда.

– Да, я люблю стрелять. Меня научил отец...

– Я не об охоте.

– Тогда о чем же?

– О мисс Адлер, – мистер Эглингтон лукаво улыбнулся. – О том, как она себя держит.

– Ах, да. Она великолепна.

– Эта особа не простая. Не каждому подвластна. Но вы, мой друг, – он сделал многозначительную паузу и посмотрел на гостя из-под вздернутых бровей, – один из немногих, кто мог бы завоевать ее сердце.

Сэр Себастьян улыбнулся, но ничего не ответил.

Ирен не любила вести беседы в гостях, они казались ей пространными и бессмысленными. Редко когда выпадало что-то действительно занимательное, на ее взгляд. Но большинство игр она обожала, и сегодня от игры не отказалась. Между тем команда, в которую ее определил жребий, в данный момент как раз ждала своей очереди.

– Почему вы сели так далеко от всех остальных, мисс Адлер? Мы утомили вас? – нарушил прохладный величественный покой Ирен мистер Эглингтон. Ирен откинула голову. На нее смотрел круглолицый хозяин дома, невысокий и упитанный, похожий на шар. У него была добрая сытая улыбка и простодушное выражение лица.

– О, нет, что вы, мистер Эглингтон, – улыбнулась в ответ Ирен, – мне просто понравился ваш могучий вяз. Я люблю эти деревья. Присядьте со мной, – она указала ладонью на соседнее кресло. Мистер Эглингтон мысленно хохотнул над этой дерзостью, но не без удовольствия повиновался.

– Вы любите вязы? – удивился он.

– Да, у них чудесные листья. Из них можно делать рыбные скелетики. Вы такими не забавлялись в детстве?

– Нет. Хотя, честно говоря, я не помню, может и забавлялись.

– Я вас сейчас научу, – радостно отозвалась Ирен, легко вставая с кресла.

Она потянулась к ближайшей ветке и начала срывать листья, выбирая самые крупные и симметричные, потом вдруг повернулась, и, по-детски испуганно округлив глаза, спросила:

– Вы не против, мистер Эглингтон? Я совсем забыла спросить вашего разреше...

– Боже упаси, конечно нет, мисс Адлер! Вы можете оборвать хоть все дерево, если это доставляет вам столько радости, – усмехнулся мистер Эглингтон, немного откидываясь назад, хотя его смешок был больше похож на кряхтение. Со стороны скамеек послышались радостные возгласы, означавшие, что кто-то из игроков сделал отличный удар.

– Вот, смотрите, – Ирен села обратно в кресло, сложила сорванные листья у себя на коленях, взяла один и, зажав ногтями точку возле центральной прожилки листа, потянула на себя, освобождая пространство между двумя соседними косыми прожилками. Потом она быстро повторила эту манипуляцию около десяти раз, оставив нетронутыми лишь небольшую область сверху и маленький треугольный хвостик снизу, отчего лист и вправду стал похож на рыбий скелет.

– Видите, получился рыбий скелет! – радостно заявила Ирен, распрямив согнутую спину и подняв голову на мистера Эглингтона. Она с торжественным видом сжимала тонкими пальцами поднятой руки все, что осталось от листа.

– Вы удивительная, мисс Адлер, – сказал мистер Эглингтон, глядя на Ирен. – Я никогда раньше не встречал таких женщин.

Ирен одарила его широкой белоснежной улыбкой, опустив на секунду глаза.

– Что же во мне такого удивительного?

– Вы взрослая, восхитительно аристократичная женщина, но в вас сидит озорной ребенок, который иногда без предупреждения выскакивает наружу.

– Мне нравится этот ребенок. Надеюсь, он никогда меня не покинет.

– Возможно, так и будет. Вы не стареете душой, а точнее сказать не взрослеете. Вы будто играете с жизнью. И это такое редкое явление...

– Приятно это слышать, мистер Эглингтон. Кстати, об играх: совсем недавно меня просили придумать развлечение, и я придумала.

– О, это замечательно! Поведайте же.

– Извольте. Наша беседа о преступниках натолкнула меня на мысль разыграть преступление и провести настоящее расследование. Мы разделимся на две команды: в первой команде будет всего один человек – преступник, во второй будут все остальные – детективы. Преступник ночью совершит ограбление вашего дома и возьмет какую-нибудь вещь, что-либо ценное. У вас найдется что-нибудь ценное в доме?

Мистер Эглингтон вытянулся в лице. Но через несколько секунд до него дошел смысл шутки, и он закатился грудным смехом.

– Но кто же будет преступником? – спросил мистер Эглингтон, отдышавшись. – И потом, вы думаете, это так просто – ограбить дом? Ведь для этого всегда нужно кого-то убить!

– Грабителем буду я, – заявила Ирен серьезным тоном, проигнорировав второй вопрос.

– Вы?!

– Да. Это единственное условие, при котором я согласна сыграть в эту игру. И в этом состоит мой главный интерес. Вы знаете, я люблю разгадывать загадки, но в данном случае мне интереснее быть преступником, нежели детективом, тогда как всем остальным, я уверена, наоборот. К тому же я сомневаюсь, что здесь найдется кто-то, кто сможет загадать нам такую загадку, которую мы бы не разгадали, – она использовала слово «мы» из вежливости, хотя подразумевала при этом только себя. – А вот я смогу это сделать, да так, что вам придется немало поломать голову, – она хитро улыбнулась. – Кстати, я все уже придумала, и при этом никого не понадобится убивать.

– Придумали?

– Да.

– И что же вы придумали?

– Позвольте, мистер Эглингтон, но ведь в этом и состоит суть игры!

– Ах! Ну да, ну да, простите. Я просто чуточку обескуражен.

– Так вам не нравится моя идея? – Ирен напустила на себя смущенный вид с нотками испуга.

– Вовсе нет, идея замечательная. Просто это... нечто новое. С вашего позволения, давайте еще раз по порядку.

— Конечно, – с готовностью согласилась Ирен. – Итак, как вы поняли, мы будем играть в детективов, которые расследуют ограбление. Грабитель, то есть я, пробирается ночью в дом. Я не смогу сделать это бесшумно и бесследно. Любой, даже самый ловкий преступник, оставляет на месте преступления следы, так называемые улики, поскольку он живой человек, а не привидение и не может проникать сквозь стены. Это может быть открытая дверь или окно, случайно загнутая половица или разбитая ваза, какой-то странный шум, который услышали слуги или даже хозяева и гости дома. Кстати, если вы услышите какой-то шум, вы можете выйти посмотреть, откуда он доносится, а если увидите грабителя, то сможете даже попытаться его изловить. Все будет по-настоящему и по-честному. За исключением того, что вы будете заранее знать, что должно произойти. Но я вам не скажу, когда это должно произойти.

– Так как же нам узнать, что это произошло?

– Мы с вами условимся, что я возьму какую-то конкретную вещь из конкретного места. И произойдет это в течение трех дней. А чтобы вам не было так легко меня изловить, вы не будете знать, в какой именно день, а точнее ночь. Я также прошу не посвящать слуг в это дело, только гостей. Все должно быть по-настоящему. Заодно и проверим, легко ли преступнику пробраться в ваш дом.

Мистер Эглингтон усмехнулся:

– Не думаю, что очень легко. Но вы-то уже будете в доме и вам останется только тихонько покинуть свою комнату и пробраться в другую. В чем же будет загадка, если мы будем уже все знать?

– Ах, точно! Простите, я совсем забыла вам сообщить. К сожалению, меня здесь не будет. Я покину вас уже завтра.

– Завтра? Как завтра? Почему?

– У меня появились неотложные дела. Мой адвокат уезжает в Австралию прямо на этой неделе с тем, чтобы там остаться. Ему необходимо передать все дела своему коллеге, которого он для меня подыскал. И я, конечно же, должна присутствовать. Ведь у нас будет только одна возможность встретиться втроем. А передача дел займет все время до его отъезда.

– О, это прискорбно.

– К счастью, первые несколько дней мы будем находиться не очень далеко от вас. Иначе мне пришлось бы выехать уже сегодня, а может и раньше. Поэтому, возвращаясь к вопросу об ограблении: днем я буду занята, а вот в одну из трех ночей могла бы осуществить задуманное.

– Ох, мисс Адлер. Это ведь настоящее безрассудство.

После нескольких минут вежливых споров, оправданий и уговоров мистер Эглингтон все же уступил:

– Пожалуй, идея и вправду интересная.

– Такая увлекательная игра уж точно запомнится гостям. Вот увидите, они еще долго будут вспоминать поездку в ваше графство.

– Наверное, вы правы, – мечтательно протянул мистер Эглингтон, но тут же нахмурился: – Но! При всем уважении, мисс Адлер, вы не боитесь... Эм...

– Не боюсь ли я, что дело не дойдет до поиска улик?

– Да.

– Можете быть спокойны, мистер Эглингтон, я не подведу. За время нашей беседы я придумала шесть разных способов пробраться в ваш дом. И не только пробраться, но и выбраться из него. И уверена, что придумаю еще столько же за оставшееся время, – Ирен лукаво прищурилась. – Вы и ваши гости будете довольны.

– Ну что за женщина, в вас невозможно усомниться!

Ирен ничего не ответила.

– И все-таки я не могу дать согласие на такое безрассудство, – задумчиво произнес мистер Эглингтон.

– Но почему?

– Позвольте, но как же... это же... опасно, в конце концов.

– Разве вокруг вашего дома ночью бродят волки или медведи?

– Хм... нет, но... Вы будете совершенно одна под покровом ночи, а это значит...

– О, я буду не одна. Я приеду с кучером в повозке. Сделаю все, что задумывала и уеду.

И, к тому же, я не боюсь темноты.

– Не боитесь?

– Нет.

– Мне казалось, все женщины боятся темноты.

– Ну, теперь вам известно, что это не так, – Ирен улыбнулась. – Высоты я тоже не боюсь.

– Значит, вы, мисс Адлер, ничего не боитесь? – Мистер Эглингтон расплылся в недоверчивой ответной улыбке.

– Я боюсь грозы. И насекомых.

Был еще один страх, который всплыл в памяти Ирен, но она никогда не говорила о нем.

– Насекомых?!

– Да, – ответила Ирен, подумав, что мистер Эглингтон слишком часто задает вопросы в виде последнего сказанного его собеседником слова.

– Это невероятно забавно.

– Так что... Если в ночь преступления на ваше поместье не нагрянут грозовые тучи или полчище саранчи, то все пройдет гладко, – твердо заключила Ирен.

– А как же собаки? Мы ведь выпускаем их на ночь охранять поместье. Они гуляют по всей территории. Конечно, они не способны загрызть кого бы то ни было и вряд ли вообще бросятся на человека, только разве что лай поднимут... Но мало ли что!

– Все в порядке. Предоставьте это мне.

– А слуги? Если они не будут знать о происходящем, они могут принять вас за настоящего грабителя.

– Так и должно быть. И тогда вы проснетесь и поймаете меня. Но могу вас уверить, этого не произойдет. Моя задача – сделать так, чтобы слуги меня не заметили. Это часть игры. И потом, они ведь тоже по ночам спят, а не расхаживают по дому.

– И все-таки... я не до конца уверен... как вы можете быть... вы же дама!

– А что, разве женщина не может быть преступником? Разве тюрьмы Лондона и Парижа не заполнены женщинами-убийцами, грабителями и аферистками?

– Заполнены, конечно, но... но... вы не такая женщина! – нотки неподдельного возмущения промелькнули в речи мистера Эглингтона.

– Но ведь это всего лишь игра! – мягко проговорила Ирен. – А я очень люблю игры. Вы же сами сказали, что во мне сидит озорной ребенок. Ну, позвольте мне вас ограбить, – она наклонилась чуть вперед, облокотившись на столик, и сделала такое очаровательное вопрошающее лицо, уставившись на собеседника влажным умоляющим взглядом, что у него не осталось ни малейшего шанса на сопротивление.

– Ну, хорошо, – сдался несчастный мистер Эглингтон с шумным выдохом, не подозревая даже, какою угрозой таит в себе заключенное соглашение.

– Вот и славно! – менторски заключила Ирен, будто бы договорившись с ребенком, тогда как сама еще пару секунд назад небезуспешно примеряла на себя этот образ.

Она удовлетворенно откинулась на спинку кресла, глаза ее сузились от удовольствия и один из уголков губ медленно пополз вверх. Но мистер Эглингтон этого не увидел. Радостные возгласы гостей уже отвлекли его внимание.

– Кажется, сейчас будет наша очередь, – сказала Ирен, поднимаясь с кресла. – Вы идете?

Глава 4. Труп

Идея с подстроеным ограблением была принята положительно. Кто-то понял все сразу, кому-то пришлось растолковывать суть замысла, но в целом гости были рады новому развлечению, способному разбавить привычную скуку. Чтобы все не было слишком просто и очевидно, было уговорено, что ограбление совершится в течение трех следующих дней.

В первую ночь после того, как мисс Адлер уехала, почти никто из гостей не сомкнул глаз. Днем все ходили сонные и вялые, так что мистер Эглингтон уже пожалел об этой затее. Ни у кого не было сил веселиться допоздна, поэтому спать легли рано, отказавшись от идеи изловить «грабителя» с поличным. Однако и второй ночью ничего не произошло. Третьим вечером часть гостей выразила сомнения насчет того, что мисс Адлер вообще сподобится совершить задуманное. Остальные были уверены, что ограбление свершится, и свершится ближайшей ночью, поскольку она последняя, и других вариантов не остается, однако их сомнения заключались в том, что выбранная тактика весьма нелогична, так как с ее помощью мисс Адлер сама загнала себя в ловушку. Сомнения переросли в насмешки и жестокое желание изловить виновницу всеобщего беспокойства на месте преступления. В итоге общее мнение сошлось к тому, чтобы выставить часовых в той комнате, откуда должна была пропасть оговоренная вещь, хоть это и не входило в первоначальные условия игры. Большинство гостей посчитало, что будет забавно, если мисс Адлер поймают с поличным, и ее раздутая на пустом месте уверенность в том, что она могла бы быть гениальным преступником, лопнет как мыльный пузырь.

После того, как на утро после третьей ночи разочарованные гости обнаружили все на своих местах, кучер привез письмо. В нем мисс Адлер извинялась за то, что ей не удалось осуществить свой план в силу большой загруженности. Письмо это вызвало бурю негодования и злорадства среди гостей. Кто-то был возмущен невыполнением обещания и напрасной тратой нервов и времени, а некоторые вспомнили, что заранее предвидели такое развитие событий, и заключили, что она попросту струсилась, ведь женщины хороши в придумывании идей, а когда дело доходит до реальных действий, они тут же поджимают хвост.

Единственный гость, кто никак не отзывался о письме, был сэр Себастьян Атталъ. С самого утра он почувствовал себя нехорошо и сразу после завтрака удалился в спальню. Среди гостей оказался доктор, практикующий хирург, он осмотрел больного и сообщил, что у него пищевое отравление и ему необходим покой.

– Ну как вы тут, дорогой друг? – спросил мистер Эглингтон, зашедший навестить гостя уже в четвертый раз.

– Да вот, пытаюсь написать письмо. Но голова такая тяжелая, что не могу выдумать ни строчки. Как ни начну, все нескладно.

– Вам лучше бы отдохнуть, Себастьян, – предложил хозяин дома с виноватым видом. – Глядишь, после сна и отойдет.

– Не беспокойтесь, мистер Эглингтон. Я крепко выспался ночью и теперь мне нужно просто немного времени, чтобы восстановить силы.

Мистер Эглингтон неуверенно кивнул.

– А что за письмо? – спросил он.

– Письмо к посылке, которую я хотел завезти по дороге к вам на любой ближайший почтамт. Но, поскольку задержался в пути, не успел до закрытия, и так и привез ее с собой. А теперь вот решил приложить письмо, раз уж все равно посылка пока не запечатана. Кстати, хотел спросить, когда к вам приходит почтальон?

– Каждый третий день. Последний раз был позавчера утром, значит, теперь будет завтра с утра. Можем отдать ему, если захотите.

– Я был бы рад. Вот только допишу, – сказал Себастьян со вздохом.

Через некоторое время он все-таки уснул и проспал целый день. К вечеру, почувствовав себя намного лучше, поужинал в своей комнате порцией бульона, а после спустился к гостям. Там он узнал про письмо и про несостоявшееся ограбление, но что больше всего его удивило, так это то, что общество раскололось на два лагеря. Одни утверждали, что это лишь хитрая уловка и ограбление должно произойти на четвертую ночь, другие качали головами и утверждали, что мисс Адлер просто посмеялась над ними и не собиралась никого грабить ни в первые три ночи, ни уж тем более в последующие, и что все это попахивает массовым помешательством. Мистер Эглингтон не склонялся ни к одной из версий, ходил с кислым лицом, проклиная мысленно свою легковёрность. Себастьян также не согласился ни с одной из сторон, однако все же предложил свою кандидатуру на роль часового, подчеркнув, что делает это только потому, что проспал весь день, и ему все равно не удастся уснуть. Но он готов сделать это лишь на тех условиях, что наутро никто из гостей больше не будет поднимать тему ограбления, и последние несколько дней в стенах Киддинг Холл они проведут так же весело и беззаботно, как первые. Гости обрадовались и согласились, а мистер Эглингтон одарил сэра Себастьяна взглядом, полным благодарности.

Утром четвертого дня все дамы, будто сговорившись, проснулись одновременно. Причиной этому было нестерпимое женское любопытство. Самые проворные и шустры представительницы лишь только успели собраться и нарядиться, как тут же, сбившись в небольшую кучку, бросились к комнате, где остался сэр Себастьян. Это была гостиная второго этажа в дальнем конце дома. Она была небольшая, богато украшенная, но практически необставленная, за исключением пушистого ковра на полу, широкого мягкого дивана, нескольких кресел и квадратного столика по центру. Однако было кое-что в этой гостиной, что отличало ее от остальных комнат, и именно по этой причине она использовалась для встреч с *особыми* гостями – стеклянный шкаф с фамильными драгоценностями, в котором помимо прочего находилась та самая диадема, о которой упоминала мисс Адлер.

Другие представительницы слабого пола хоть и терзались любопытством, но все же не спешили – утренние сборы и беседы занимали их чуточку больше. Мужчины и вовсе уже забыли и про игру, и про спор, и про сэра Себастьяна. За исключением хозяина дома. Он давно был не рад тому, что согласился на подобное безрассудство. Но в каком бы расположении духа не проснулись в то утро обитатели поместья, всех их в одну секунду окончательно пробудил, словно ушат ледяной воды, оглушительный женский визг, слившийся из нескольких голосов в один. Те, кто были уже одеты и собраны, высыпали из комнат и помчались к месту, откуда доносился звук.

Первым на крик прибыл мистер Вествик. Он раньше всех из мужчин проснулся, облачился в песочного цвета костюм и уже был в дверях, когда раздался визг. Из-за угла ему навстречу с искривленным от ужаса лицом, шелестя юбками, бросилась миссис Лэйтон.

– О, боже! Боже! – кричала она, хватаясь за сердце. – Он мертв!

За ней по коридору бежали еще две дамы, издавая похожие возгласы. Когда похолодевший мистер Вествик оказался наконец в комнате, взору его предстала страшная картина: как минимум три человека находились в горизонтальном положении: две женщины на полу и один мужчина на диване. Ошарашенный женским визгом и стенаниями, мистер Вествик в первую секунду подумал, что в комнате целых три трупа, но увидев, что дамы обмахивают лежащих на полу веерами, понял, что это просто два обморока, а вот с замершим в неестественной позе сэром Себастьяном дело обстояло сложнее.

– Тишина! – крикнул разозлившийся на свою глупость и впечатлительность мистер Вествик, что само по себе было поразительным явлением, поскольку мистер Вествик был самым уравновешенным и смирным созданием на Земле, а потому дамы неожиданно прекратили свои

изводящие причитания в большей степени от удивления, нежели от того, что послушались приказа.

В наступившей тишине мистер Вествик с плохо скрываемым волнением подошел к дивану. Сэр Себастьян лежал на животе в весьма странной позе: лицо его уткнулось в угол между подушкой и спинкой дивана, одна нога была согнута в колене и подобрана под тело, колено практически упиралось в грудь, другая нога лежала прямо, немного свешиваясь с края дивана, как и правая рука, левая же была зажата между телом и спинкой дивана и как-то неестественно торчала локтем вверх.

«Поза, конечно, шокирующая, но это еще ничего не значит», – трезво рассудил мистер Вествик. Он был биологом и в последнее время занимался подробным изучением шпанской мушки. По роду деятельности ему пришлось однажды бывать в морге и смотреть на мертвых людей. Тогда при виде трупов его стошнило, но в памяти навсегда отпечатались впечатление от увиденного и образы мертвецов. Тело сэра Себастьяна не было похоже на тело покойника. Кожа его была естественно розовой, а спина едва заметно вздымалась. Он дышал.

«С чего они вообще взяли, что он мертв? – подумал мистер Вествик, отгоняя дурные мысли. Он быстро пришел в себя и, в отличие от дам, мог здраво рассуждать. – Видимо, одна из них, очевидно самая впечатлительная, вскрикнула первая, а все остальные подхватили. Они настроили себя на то, что этим утром должно было произойти ограбление, и были морально готовы к худшему. Обычная массовая истерия. Вспыхивает, как поле сухой травы от случайной искры. Он наверняка спит». Мистер Вествик крепко взял сэра Себастьяна за плечо и, дернув на себя, повернул на бок. Тело грузно перекатилось с бока на спину. Мистер Вествик, словно обожженный, отпрянул в сторону. Снова раздалась испуганные женские визги. На белой рубашке сэра Себастьяна пестрело яркое бордовое пятно.

Только сейчас побледневший мистер Вествик понял, что за ним наблюдает целая толпа людей. В комнате уже собрались все гости и хозяйева дома, а из коридора торчали головы слуг.

– Да это же вино! – усмехнулся мистер Лэйтон, нарушив тишину. Он подошел к дивану. – А запаха нет, потому что окно открыто, – пояснил он, заранее отвечая на еще не сорвавшийся с чьих-нибудь губ вопрос.

Только сейчас все обратили внимание на то, что одна из створок была открыта настежь, и летний ветер беспрепятственно врывается в комнату, заполняя ее запахами трав и нагретой земли.

– Вы что же, спящего испугались?! – мистер Лэйтон задорно хохотнул и как всегда вздернул пушистые густые брови, отчего лоб его покрылся горизонтальными складками то ли сожаления, то ли насмешки, а мистер Вествик из бледного стал пунцово-красным, смущенно опустил ресницы и отошел в сторону.

– Да он, похоже, напился, – брезгливо заключил чей-то женский голос. Послышались негромкие перешептывания.

К дивану подошел среднего роста человек в очках. Это был доктор Морен, профессор медицины, вот уже десять лет успешно практикующий хирургию. Тот самый, что осматривал сэра Себастьяна утром ранее на момент пищевого отравления.

– Он действительно спит, но слишком уж крепко, – как-то неуверенно пробормотал профессор Морен себе под нос. Он нагнулся над лицом сэра Себастьяна и застыл на несколько секунд. Рот спящего был приоткрыт, и с него стекала тонкая струйка слюны. Сначала доктор завис над ним своим носом, потом правым ухом. Потом выпрямился, пощупал пульс на шее и... ничего не сказал. Он только сделал шаг назад и задумался, уставившись прямо перед собой. Потом качнул головой, будто бы соглашаясь со своими мыслями, и только тогда повернул голову к остальным, стрелявшим в него нетерпеливыми выжидательными взглядами.

– Это не алкоголь, – сказал он спокойно и уверенно. – Это, похоже, какой-то сильный альдегид... гм... снотворное. Дыхание сэра Себастьяна не назвать свежим, но запаха разло-

жившегося алкоголя в нем нет. Вина он не пил, а только лишь пролил на себя по какой-то причине. Дыхание ровное, как и пульс. Но спит он очень крепко. Заметьте, что все виз... гм... все многочисленные громкие звуки, что здесь раздавались, не разбудили его, впрочем, как и топот. И еще один момент. Дыхание его отдает очень специфическим запахом... Не советую, миссис Лэйтон! – перебил сам себя доктор Морен, но было поздно. Миссис Лэйтон уже нагнулась над сэром Себастьяном, чтобы самолично убедиться в правдивости слов профессора. Она сделала это вовсе не оттого, что подвергла их сомнению, а оттого, что была из тех людей, кто познает окружающий мир эмпирически. Необходимость потрогать, понюхать и попробовать что бы то ни было порождалась в ней не только здоровым любопытством, но и простым желанием понять и проникнуть в самую суть вещей.

– Как я и сказал, отдает очень специфическим, даже, прошу прощения, зловонным запахом, – закончил свою мысль доктор Морен, спокойно глядя на то, как миссис Лэйтон отпрянула и, сморщившись, прикрыла рот ладонью, едва сдерживая рвотный позыв. – Я думаю, это хлоралгидрат. Сильное снотворное.

– Но как это вещество могло попасть в его организм, если, как вы утверждаете, он не пил вина? – спросил кто-то из гостей.

– Этого я не знаю, – ответил доктор Морен.

– Может, он все-таки его пил, просто очень мало? Может, этот хлор... это вещество подмешали в вино, сэр Себастьян сделал глоток, и ему тут же стало плохо? Он пролил вино, упал на диван и уснул, – предположила миссис Лэйтон, которая отошла подальше от дивана, чтобы больше не чувствовать неприятный запах. – А из-за того, что количество выпитого вина очень мало, мы с вами его не чувствуем. – Она явно была довольна своей версией.

– Это исключено, – твердо возразил доктор Морен.

– И почему же?

– Потому что хлоралгидрат очень быстро всасывается, но не настолько быстро. Сон, близкий к физиологическому, наступает примерно через пятнадцать минут.

– А если это была большая доза, она могла подействовать быстрее?

– Нет. В таком случае он был бы сейчас мертв.

– Хм. Получается, если бы он сделал больше одного глотка, мы бы почувствовали запах алкоголя, а если бы доза снотворного была больше, он бы умер. Значит, он сделал максимум один глоток и через пятнадцать минут уснул. Но почему в такой неестественной позе, будто упал?

– На этот вопрос я не могу вам ответить, миссис Лэйтон. И я вовсе не считаю, что он сделал хотя бы один глоток.

– Тогда почему он пролил вино, если он его не пил?

На этот раз доктор Морен не удостоил ее ответом.

– Может, нам стоит разбудить его и расспросить об этом? – предложил чей-то голос, и многие из гостей выразили свое согласие.

– Я думаю, не стоит, – снова вмешался доктор Морен. – Влияние подобного вещества – большой стресс для нервной системы. Пусть спит столько, сколько нужно его организму для восстановления. Обычно сон от хлоралгидрата длится около восьми часов. Может, чуть больше или меньше, в зависимости от состояния здоровья. Вероятнее всего, он проснется не раньше, чем через пару часов. Нужно перенести его в кровать, переодеть в чистое и оставить пару слуг на всякий случай. А также, если мистер Эглингтон не против... – он осмотрелся вокруг себя в поисках хозяина дома, чтобы обратиться лично к нему, но того не было видно среди близстоящих людей, что немало удивило профессора, поскольку он точно помнил, что видел его недалеко от себя, когда входил в комнату.

Через пару секунд всеобщего замешательства мистер Эглингтон был найден. Он стоял в дальнем углу комнаты возле огромного шкафа, приложившись лбом к стеклянным дверцам,

безжизненно свесив руки вниз, был бледен и сгорблен. Его низкорослую округлую фигуру до сего момента совершенно не было видно за спинами собравшихся. Теперь все взирали лишь на него. Комната наполнилась шепотом, кто-то сочувственно цокал, несколько человек подошли к мистеру Эглингтону и ободряюще похлопали его по плечу: слишком уж горестный был у него вид, при этом все они обязательно заглядывали за стеклянную дверцу шкафа, из-за которой на них взирала двумя маленькими углублениями, будто глазами, опустевшая бархатная подушка темно-синего цвета с золотой шнуровкой по краям. Однако никто из гостей не помнил или не знал, что прежде покоилось на этой подушке. Гости сделали предположение, что на ней хранилась драгоценная брошь, принадлежавшая некогда бабушке мистера Эглингтона, которую, как и договаривались, должна была «украсть» мисс Адлер.

На некоторое время присутствующие будто забыли, с чего началась эта история, и поверили в естественность происходящего, настолько все выглядело реалистично. Только неугомонная миссис Лэйтон не забыла. Она подошла к шкафу, подвинула рукой мистера Эглингтона, который лишь безжизненно отшатнулся, и распахнула стеклянные дверцы. Просунув голову поглубже, она внимательно осмотрела полки, обнаружила нетронутую брошь, после чего тщательно изучила подушку, пошевелила ее и вынырнула наружу с торжествующим видом.

– Господа, вы, конечно же, поняли, что сегодня ночью произошло ограбление Киддинг Холл. Преступник усыпил стража и похитил драгоценную диадему, – произнесла она громко и артистично, будто зачитывая вступление к пьесе. Гости зашептались, а мистер Эглингтон, чуть только слово «диадема» коснулось его ушей, издал приглушенный стон.

– Мы с вами, как истинные детективы, должны раскрыть преступление в оставшиеся три дня. И первая улика, которую мне удалось обнаружить – записка! – миссис Лэйтон вышла из-за дверцы, размахивая своей находкой. Листок был оставлен под подушкой и не был замечен мистером Эглингтоном лишь потому, что исчезновение диадемы потрясло его до глубины души, и в первые несколько минут он вообще ничего не видел.

Шепот и обсуждения прекратились, и все присутствующие с любопытством уставились на миссис Лэйтон. Даже хозяин дома удивленно поднял голову и округлил глаза.

– Не томите, дорогая, – сказал мистер Лэйтон, улыбаясь.

Миссис Лэйтон послушно развернула свернутый вдвое маленький квадратный клочок бумаги и выразительно прочла вслух:

– Игра началась!

Глава 5. Дьявол в деталях

Сэр Себастьян спустился к гостям только к обеду. И хотя спал молодой человек крепко и долго, выглядел он довольно разбитым. Отчасти причиной плохого состояния было чувство вины, которое он начал испытывать сразу, как узнал о пропаже диадемы. Он убивался, извинялся, говорил, что совершенно не хотел спать, но почему-то уснул, что такое физическое состояние абсолютно ему не свойственно, и так далее, и тому подобное. И даже после того, как ему объяснили, что его вины в том нет, что он пал жертвой обстоятельств, что его усыпили сильнодействующим средством, а мистер Эглингтон лично попросил прощения за то, что втянул своего гостя в такую авантюру, сэр Себастьян едва ли мог сдерживаться. Он чувствовал себя караульным, уснувшим у стен тюрьмы в ночь спланированного побега заключенных, о котором к тому же было известно заранее. Однако, несмотря ни на что, все же не утратил вечно присущей ему бодрости духа.

– Как вы себя чувствуете, Себастьян? – спросил мистер Лэйтон.

– О, ощущения, будто всю ночь пил, – отозвался сэр Себастьян и рассмеялся. – В целом чувствую себя здоровым, благодарю. Но голова тяжелая, будто пил долго, много и вперемешку.

– А разве вы не пили вина? – поинтересовалась миссис Лэйтон и покосилась на доктора Морена, чтобы убедиться, что это не вызвало его негодования. Нетерпение терзало ее пуще остальных, и она без долгих вступлений сразу перешла к делу. Профессор никак не изменился в лице и продолжал спокойно и сосредоточенно взирать на сэра Себастьяна.

– Нет, в том-то и дело! Я вообще не пью вина. Уже много лет. Ни вина, ни какого-либо другого алкоголя.

Гости переглянулись между собой, но никто не сказал ни слова. Повисла пауза. Все взгляды устремились к бледному хмурому лицу хозяина поместья.

– Себастьян, кхм... – начал он упавшим голосом со скопившейся от долгого молчания хрипотцой, но, откашлявшись, продолжил уже более уверенно: – Этой ночью, почти сразу после того, как мы с вами расстались у дверей спальни, произошли некие события, после которых, как вы уже знаете, пропала диадема. Мы весь день обсуждаем детали... кхм... инцидента и пытаемся найти стройное объяснение тому, как это могло случиться. Но коль скоро вы с нами, хотелось бы услышать, как все происходило на самом деле, так сказать, из первых уст. Добавлю, что пока вы спали, мы уже опросили всю прислугу и теперь хотели бы послушать ваш рассказ.

– Но... Я практически ничего не помню... Да и вроде бы ничего не происходило! – заявил сэр Себастьян, разводя руками.

– Что значит, ничего не происходило?

– То и значит. Я имею в виду ничего необычного. И... Мне почти нечего вам рассказать.

– Этого не может быть! – воскликнул мистер Эглингтон с нотками жалобного возмущения в голосе.

– О, мой дорогой друг, не мучайте меня. Мне и так стыдно. Я ведь уже сказал, что сначала ничего не происходило, а потом я уснул. Или отключился, как вы меня сами же уверили. И все. А после я ничего не помню.

– Да нам и не надо «после», нам надо «до».

– Но я и то, что было «до» уже практически не помню...

– Господа, позвольте, – громко вмешался доктор Морен. Все замолчали. – В том состоянии, в котором сейчас находится сэр Себастьян, особенно если учесть, что днем ранее он перенес пищевое отравление, противопоказаны беспокойства и какие-либо умственные или физические усилия. То, что он любезно согласился пообщаться с нами, уже большой шаг с его стороны, но также и невероятная нагрузка на его здоровье. Нарушение памяти – естественное состояние после приема внушительной дозы снотворного. Поэтому, – профессор сделал мно-

гозначительную паузу и посмотрел на хозяина дома, – мы *не будем* торопить пострадавшего и давить на него, и дадим ему столько времени, сколько понадобится, чтобы он мог собраться с мыслями, а также наводящими вопросами постараемся облегчить ему процесс оживления воспоминаний.

Гости одобрительно закивали.

– Сэр Себастьян, пожалуйста, расскажите нам все, что помните. По порядку. Все, что считаете важным. И все, что не считаете важным – тоже. *Der Teufel steckt im Detail*.⁴

– *Sie haben Recht*,⁵ – согласился сэр Себастьян. – Что ж, с вашего позволения... эм... – он немного подумал, – попытаюсь восстановить события. Когда почти все разошлись по комнатам, мы с мистером Эглингтоном дошли до малой гостиной, попрощались, и я закрылся на ключ изнутри. Мистер Эглингтон может это подтвердить, он проверил дверь снаружи. Я читал какое-то время. Ту книгу, что взял в библиотеке на первом этаже. И еще писал письмо, которое я хотел приложить к посылке утром. Днем я так и не смог его написать, вы и сами помните, – обратился он к хозяину дома, – я почти весь день проспал, а ужин провел вместе со всеми. Похоже, на этот раз в гостях у мистера Эглингтона я только и делаю, что сплю, – он улыбнулся.

После этого присутствующие попросили пояснить, о какой посылке идет речь, и он рассказал. А затем вернулся к событиям ночи.

– Пришла служанка, спросила, желаю ли я перекусить или выпить. Я сказал, что не прочь был бы чего-нибудь съесть, так как за ужином ел мало, практически ничего, но к ночи аппетит у меня восстановился, и я здорово проголодался.

– Во сколько примерно это было? – спросила миссис Лэйтон.

– Должно было быть около двенадцати. Так мы условились. Она сказала, что до этого времени все равно не ляжет. Утверждать с полной уверенностью не могу, так как не посмотрел на часы. Однако я помню, что попрощались мы с мистером Эглингтоном в одиннадцать вечера, а до прихода прислуги, по моим ощущениям, прошел примерно час. Не более.

Миссис Лэйтон удовлетворенно кивнула.

– Так вот. Где-то через четверть часа вернулась служанка. Я открыл ей дверь. Она принесла буженину, вяленые томаты и хлеб. И еще кувшин вина. Я сказал, что не буду вино и что мне нужно что-нибудь другое, хотя бы просто воды. Она ушла, но вино оставила. Наверное, потому что я не объяснил ей, что не пью вино, а просто сказал, что хочу чего-нибудь другого. Видно, она меня не совсем правильно поняла. Я заперся... – он замолчал.

– А что было потом? – нетерпеливо, но мягко поинтересовалась миссис Лэйтон.

Повисла небольшая пауза.

– А что было потом... – еле слышно пробормотал сэр Себастьян, пристально уставившись в одну точку. Он пытался воспроизвести в памяти последующие события. – Простите, мне сложно вспомнить.

– Все в порядке.

– А с вами не случилось в тот вечер ничего необычного? – спросил кто-то из гостей.

– Что вы имеете в виду? – сэр Себастьян поднял голову.

– Ну, может быть, что-то показалось вам странным? Или кто-то?

– Странным?

– Да.

– Хм... странным... Пожалуй, да, что-то такое было. Может быть, прислуга. Что-то было в ней странное. Только не помню, что...

– Прислуга? – удивилась миссис Лэйтон.

⁴ Дьявол кроется в деталях. (нем., поговорка).

⁵ Вы правы. (нем.).

– Вспомнил! Странная вода! Не девушка, а вода – вот что было странным! – почти радостно воскликнул сэра Себастьян. – Во второй раз она принесла мне стакан воды. Пока она ходила, я успел кое-что съесть, и мне так сильно захотелось пить, что как только она вошла, я тут же набросился на него и выпил целиком. Вода немного горчила, и во рту после нее остался неприятный привкус. Мне показалось это странным. Я спросил служанку, где она взяла воду, и она ответила, что набрала из графина на кухне. Тогда я попросил набрать мне свежей воды прямо из колодца в другой графин, а тот, из которого она набирала воду, убрать куда-нибудь до утра. Тогда я не подумал про снотворное, но отметил про себя, что за ужином я тоже пил воду, и она была абсолютно нормальной. И вот это показалось мне странным. Поэтому я и попросил его не выливать, а просто убрать. Теперь я вспомнил, да. Надеюсь, никто ее больше не пил, эту воду?

– К счастью, нет. Однако и самой воды не осталось, – сказал мистер Эглингтон с нервными нотками в голосе.

– Почему?

– К сожалению, графин был опрокинут.

– Служанка опрокинула? – поинтересовался сэра Себастьян.

– Или кто-то другой.

– Кто, например?

Мистер Эглингтон не ответил.

– Например, тот же, кто подсыпал в воду снотворное, – сказал мистер Лэйтон с улыбкой.

– Справедливо. А что говорит девушка? Она что-нибудь заметила?

– Говорит, что спустилась от вас обратно в хозяйскую кухню, поставила графин на стол и пошла к колодцу, а когда вернулась, графин был перевернут и лежал на боку на столе, а дверь в кухню была приоткрыта. Она потратила некоторое время на то, чтобы сходить за тряпкой и убрать воду с пола, а то, что осталось на дне, вылила и сполоснула графин. Затем пошла к вам.

– Так вот почему ее не было так долго.

– Именно поэтому.

– И она ничего странного не заметила? Или никого? Вы спрашивали ее?

– Да, и она утверждает, что, судя по всему, на кухню пробралась кошка. Говорит, что такое порой случается, если не закрыть дверь, да и к тому же окно в кухне тоже было открыто. И что в таких случаях постоянно что-нибудь летит вниз со шкафа или со стола.

– Ну да, ну да...

– Хотя вы же знаете их братию, все что угодно скажут, лишь бы на них не подумали.

Сэра Себастьян как-то неопределенно покачал головой, то ли соглашаясь, то ли отрицая.

– Значит, воды не осталось?

– Ни капли, – насмешливо заключил мистер Лэйтон.

– Но это не сильно важно, – пояснила его жена. – Прислуга рассказала нам про вашу просьбу заменить воду, а по вашему утреннему состоянию и по... другим косвенным признакам доктор Морен определил, что в воде было ни что иное, как сильнодействующее снотворное, – миссис Лэйтон дружелюбно посмотрела на профессора. Он качнул головой в знак согласия.

– Факты говорят сами за себя, – подытожила миссис Лэйтон. – Но вернемся к вашему рассказу. Вам удастся восстановить в памяти дальнейшие события?

– Э-э... Да. Я помню, меня ужасно мучила жажда, несмотря на выпитый мною стакан воды. Служанка все еще не появлялась, но я не хотел звонить в звонок, потому что боялся кого-нибудь разбудить. Не могу точно сказать, сколько прошло времени. Может быть, минут десять, а может быть и нет. Но мне казалось, прошла целая вечность. В какой-то момент мне стало очень тепло и начало клонить в сон. Тогда я ума не мог приложить, с чего бы вдруг. Я ведь крепко выспался днем. И подумал, что это, возможно, остатки болезни... или, может

быть, оттого, что я поел. Или же и то, и другое. В любом случае, я не хотел подвести всех и не оправдать возложенных на меня надежд, поэтому я всеми силами старался не заснуть. Я помню, что встал с дивана и начал ходить по комнате из стороны в сторону. И потом... – он запнулся.

– Что же было потом?

– Потом! Ох, мне и впрямь не по себе от этого. – сэр Себастьян обвел взглядом гостей и продолжил, залившись румянцем: – Потом мне стало ужасно плохо. Я подумал, что у меня закружилась голова. Или что-то вроде того. Я не знаю, у меня ни разу в жизни не кружилась голова. Но, в общем, мне стало настолько не по себе, что я буквально не мог больше не то, что ходить, а вообще стоять. И к тому же у меня абсолютно пересохло в горле. Меня одолела настоящая паника. Мое состояние ухудшалось с каждой секундой. Мне казалось, я вот-вот упаду. Я решился сделать несколько глотков вина, а потом хотел сесть и все-таки позвать служанку. А дальше... я не помню. Видимо, я отключился. Сожалею, господа, – сказал сэр Себастьян, и чтобы не заставлять никого вновь оправдывать его, тут же весело добавил: – Но, слава богу, это был не обморок. Иначе после такого мне пришлось бы добровольно принять внушительную дозу снотворного.

Это возымело ожидаемый эффект: мужчины захохотали, дамы заулыбались и покраснели. Легкое напряжение спало. После нескольких отвлеченных тем беседа вновь вернулась в первоначальное русло.

– Может быть, вы слышали какие-нибудь странные звуки? Попробуйте вспомнить, – не унималась миссис Лэйтон.

– Звуки... ммм... пожалуй, нет. Простите. Все, что я мог вспомнить, я уже озвучил. И то, я до конца не уверен, что все это мне не приснилось. В мыслях ужасный сумбур, – сэр Себастьян запрокинул голову, помял рукой шею и слегка поморщился.

– У вас болит в том месте, где вы только что потрогали? – нарушил доктор Морен свое сосредоточенное молчание.

– Самую малость. Больше чешется.

– Мы обнаружили вас утром, лежавшим на диване в неестественной позе с пролитым на себя литром вина, – пояснил доктор Морен. – Было ясно, что вы не намеренно выбрали такой способ заснуть. Вкупе со стаканом у вас на столе и пустым кувшином из-под вина, который мы обнаружили под столом, это наталкивало на определенные мысли. Напрашивался вывод, что вам в вино подсыпали снотворное. По запаху изо рта я определил, что вы употребили хлоралгидрат, а также, что вина вы не пили. Надеюсь, вы простите мне столь бесцеремонное вторжение в ваше личное пространство, но это было сделано для вашей же безопасности. Профессиональная привычка.

– Конечно, – отозвался сэр Себастьян.

– Как врач, я также позволил себе осмотреть ваше тело. Это было сделано, когда вас уже перенесли в другую комнату в чистую постель. Я не обнаружил ничего необычного, кроме одной маленькой красной точки на шее. Точнее, это был крохотный кровоподтек. Такой, что остается после введенной иглой инъекции. Как раз в том месте, где вы только что потеряли. Позже я рассказал об этом господам, и мы заключили, что вам ввели инъекцию снотворного внутривенно, хотя подобные действия являются кошунственными.

– Почему?

– Потому что хлоралгидрат, а я уверен, это был именно он, отлично всасывается желудком в виде раствора, но при попадании в подкожную клетчатку может вызвать воспаление и некроз тканей. В виде инъекций его вкалывают разве что лошадям.

Сэр Себастьян усмехнулся.

– Но, учитывая последнюю полученную от вас информацию, – продолжил профессор, – становится ясно, что снотворное вы все-таки употребили в виде раствора. Причем водного. Что

хорошо. Ибо совместно с алкоголем хлоралгидрат может вызвать большое количество нарушений в организме, вплоть до летального исхода.

Дамы испуганно охнули.

– Мать божья, профессор... – миссис Эглингтон укоризненно покачала головой.

– Я лишь констатирую факты, – ответил доктор Морен, не изменившись в лице.

Гости начали переговариваться.

– Ох, Себастьян! Друг мой! – удрученно сказал мистер Эглингтон. – Я никогда не прощу себе, что втянул вас и не только вас, но и всех остальных, в эту смертельно опасную авантюру.

– Мне кажется, нам не стоит сгущать краски, – сэр Себастьян улыбнулся. – Я просто выпил стакан воды с каплей снотворного и отлично выспался. Похоже, мисс Адлер знает, что делает. И потом, всё уже позади. Нам осталось только разгадать, как она это провернула.

– Да, господа, давайте вернемся к обсуждению, – нетерпеливо призвала миссис Лэйтон и посмотрела на доктора Морена, как бы отдавая ему право возобновить диалог.

– В связи с этим встает вопрос, – продолжал профессор, когда все утихло, – откуда взялся укол у вас на шее?

– Это не укол... это укус. Теперь я вспомнил. Я был у окна. Точнее... кажется, я высунулся в него. Да, точно. Только не помню – зачем?..

Сэр Себастьян задумался.

– В общем, – продолжил он после недолгой паузы, – я *зачем-то* высунулся в окно. Там толком ничего не было видно. А потом меня кто-то ужалил. Вроде бы.

– Вы не уверены?

– Да. Дело в том, что, насколько я помню, не было никакого жужжания. Это немного удивило меня. По крайней мере, я его не слышал. Я помню резкую боль в шее. Это было похоже на укус пчелы.

– Почему именно пчелы?

– В детстве я уйму времени проводил на природе, и кто меня только не кусал: и пауки, и жуки, и даже змеи пару раз, не ядовитые, разумеется. А это было похоже именно на укус пчелы. Резкая пронзающая боль. Будто иглой укололи. Вспомнил! Я даже жало обнаружил. Точно! Когда сразу схватился за укус. Маленькое такое, темное, острое.

– Оно у вас осталось? – спросила вдруг молчавшая до этого мисс Чепмэн.

– Нет, – покачал головой сэр Себастьян, – разумеется, нет.

– А где оно?

– Эм... Я вроде бы выбросил его за окно. А может оно упало на пол. Я уже не помню. Я не обратил на это внимания.

Профессор выждал пару секунд, чтобы убедиться, что у мисс Чепмэн больше нет вопросов.

– Пусть так, – сказал он, – но там не было отека, когда я осматривал вас. Совершенно ровная кожа. Хотя бы маленькое воспаление у вас должно было остаться от укуса.

Сэр Себастьян отрицательно покачал головой.

– Это моя особенность. У меня почти полностью отсутствует реакция на пчелиный яд. Я имею в виду внешний признак. Чешется – да, но шишки нет. Кстати, это еще одна причина, по которой я решил, что это именно пчела, а не какое-то другое насекомое. Я потрогал место укуса пальцем через несколько минут. Ничего не было. Да... Я уже и забыл про это.

– И соответственно, ваше последующее состояние – это не реакция организма на укус, – полувопросительно-полуутвердительно сказал доктор Морен.

– Потому что у некоторых людей повышена чувствительность к яду этого насекомого, – неожиданно вклинился в разговор мистер Вествик. Тема была ему близка, и он счел нужным поделиться знаниями в этой области. Все взгляды устремились на него. Он побледнел, насколько это было возможно для его и без того бледной кожи, но решил продолжить: –

Последствия могут быть очень неприятными: температура, тошнота, рвота и даже, как в вашем случае, потеря сознания...

Сэр Себастьян в недоумении открыл было рот, чтобы сказать, что он не терял сознания, как уже было установлено, а просто уснул, но мистер Вествик не дал ему вставить ни слова:

– ...а если есть аллергия, то и фатальными. Я знаю случаи, когда люди, которых жалила пчела, кончали смертью.

– Пресвятая Богородица! Хватит пугать нас смертями, сэр, – пожаловалась мисс Чепмэн.

– Но... В предыдущий раз это был не я, это был профессор... – начал оправдываться мистер Вествик.

– Какая разница!

– О, бедный наш Себастьян, – простонала хозяйка дома.

– Господа, спокойно! – сэр Себастьян примирительно поднял руки. – Я все еще жив.

– Похоже, сэр Себастьян ужасно везуч. Или же мисс Адлер и впрямь знает толк в ограблениях! – заявила миссис Лэйтон с довольным выражением лица.

Мисс Чепмэн скривила губы. «Глупая девица! – подумала она. – При чем тут мисс Адлер?! Ладно, эта авантюристка узнала заранее, что сэр Себастьян не пьет вина, и, допустим, неплохо разбирается в химии или, может быть, в медицине. Но при чем здесь пчела? Не может же человек заставить насекомое действовать по своему разумению».

Сэр Себастьян улыбнулся. Он будто бы услышал ее мысли и позабавился ими.

– Вы правы, мое состояние вчерашней ночью – не реакция организма на укусы, – ответил он профессору.

Доктор Морен кивнул.

– Это было ясно. Я лишь хотел услышать подтверждение из ваших уст, чтобы не только я, но и все остальные могли окончательно отбросить данную версию.

– Разумеется.

– У меня есть вопрос, – громко сказала миссис Лэйтон и посмотрела в упор на мистера Вествика, отчего он слегка порозовел и поерзал в кресле. – Скажите, мистер Вествик, существуют ли насекомые, яд которых обладает снотворным эффектом?

– Вы имеете в виду яд, который извлекается из насекомых лабораторным путем или яд, который они выпускают при укусе? – чуть слышно пробормотал он и почему-то смутился. – Впрочем, это не имеет значения. Нет, по крайней мере мне о таких неизвестно.

– Благодарю. А зачем вы вообще высунулись в окно? – спросила миссис Лэйтон, поворачивая голову обратно к сэру Себастьяну. Она наконец подобралась к волновавшему ее вопросу.

– Эм... Это хороший вопрос, – сэр Себастьян снова улыбнулся. – Но, как я уже сказал, я не помню. Это столь важно?

– Для расследования все важно, – назидательно заявила миссис Лэйтон. Она хорошо вжилась в роль детектива и была одной из немногих, кто получал неподдельное удовольствие от происходящего. – Когда вы пришли, окно уже было открыто?

– Нет, оно было закрыто.

– Значит, его открыли вы?

– Да.

– Попытайтесь вспомнить, для этого была какая-то причина или вы сделали это неосознанно?

– Кажется, мне стало душно. На дворе лето. И та ночь была не самой прохладной, вы знаете.

– Хорошо. Когда вы открыли окно, вы выглянули в него или сразу же отошли?

– Вроде бы я просто открыл окно и отошел к дивану.

– Это было еще до прихода служанки?

– Да.

– А когда вы в следующий раз подошли к окну?
– Кажется, это было уже после того, как она принесла еду. Да, точно. Я вспомнил. Я что-то услышал или кого-то... только вот не помню...

– Котенка?

– Точно! А вам откуда это известно? – удивился сэр Себастьян.

– Прислуга тоже его слышала, когда спускалась за водой. И вот что важно, она нашла престранным, что его мяуканье и его запах не привлекли собак. Она утверждает, что вообще не слышала лая вплоть до того момента, как пошла спать.

– Да, это странно.

– Так что же было дальше? Вы услышали мяуканье котенка...

– Да, тихое такое. Даже не мяуканье, а писк, можно сказать, плач. Я подошел к окну и высунулся в него. Во дворе ничего не было видно. Я нагнулся вниз и начал присматриваться.

– И в этот момент вас ужалило насекомое?

– Да. Это было, как раз когда я высунулся из окна.

– А что было потом?

– Больше ничего, о чем бы я вам еще не рассказал. Я потер место укуса, нащупал жало, выбросил его куда-то, скорее всего, за окно. Я почти сразу забыл об укусе и о котенке, поскольку в этот момент вернулась служанка со стаканом воды. Я выпил его залпом, ну а дальше вы уже знаете.

– И последний вопрос: как вы думаете, тот звук – плач котенка – был достаточно громким, чтобы вы могли слышать его через закрытое окно?

– Кхм... Сложно сказать. Какие-то звуки с улицы вроде бы доносились до меня еще когда окно было закрыто... Собаки пару раз гавкали. В общем, наверное, да. Вполне возможно, что я бы его услышал. Но я не могу точно утверждать, вы понимаете.

– Разумеется. А если бы вы услышали мяуканье котенка, вы бы открыли окно?

– Кажется, предыдущий вопрос был последний, – усмехнулся сэр Себастьян.

– Да, простите.

– Я не могу точно утверждать, как бы я поступил. Возможно, я бы открыл окно, а возможно – нет. В любом случае это домыслы, а в настоящем расследовании их быть не должно. Миссис Лэйтон удовлетворенно кивнула и откинулась в кресле.

– Что ж, у меня больше нет никаких вопросов, – сказала она и посмотрела на профессора.

Доктор Морен, держа руки домиком, пребывал в том же сосредоточенном состоянии, что и ранее. Очевидно, вопросов у него тоже не осталось.

– У меня есть вопрос, – подала голос мисс Чепмэн. Все взгляды обратились на нее.

– Служанка говорила про посылку, ту самую, к которой вы писали письмо, чтобы вложить его после, и про которую вы рассказывали вначале...

– Да-да, я помню, – ответил с готовностью сэр Себастьян.

– Так вот, она сказала, что когда вернулась с графином чистой воды для вас, дверь была закрыта и вы не отвечали на стук.

– Все правильно. Я закрылся сразу после ее ухода, как и в первый раз. А через некоторое время снотворное начало действовать, и я упал на диван. Очевидно, она вернулась после того, как я уснул.

– Очевидно, именно так. Но она сказала, что на пристенном столике у двери стояла ваша посылка. Она была запечатана, то есть обмотана бумагой, завязана веревкой и заклеена сургучом. Расскажите, пожалуйста, когда именно вы это сделали?

– Ммм... да, я заранее попросил принести все необходимые вещи мне в комнату: сургуч, бумагу, бечевку. Письмо я закончил еще до первого появления служанки, но посылка была не запечатана и стояла на столике. Когда служанка принесла поднос с едой, я сказал ей про посылку, а пока она ходила за чистой водой, запечатал ее и выставил наружу на столик. Кстати,

совсем забыл спросить, она отправила посылку? – обратился сэра Себастьян к мистеру Эглингтону. – Вы сказали, почтальон приходит только раз в три дня.

– Да, все в порядке, – подтвердил он отрешенным голосом.

Сэр Себастьян поблагодарил его и взглянул на мисс Чепмэн. Очевидно, та была удовлетворена его ответом и больше вопросов не имела. Все остальные молчали, скользя рассеянными взглядами по лицам друг друга.

Первым тишину нарушил хозяин дома:

– Что ж, Себастьян, спасибо за столь подробные ответы. Но лично мне из всего рассказа ничего не стало понятным, – разочарованно заключил он.

– Что именно вы хотели понять, дорогой друг? – спросил мистер Лэйтон.

– Как произошло ограбление, разумеется.

– Но ведь это же игра, мы сами должны догадаться, – протянула довольная миссис Лэйтон.

– Да уж, игра... – вздохнул мистер Эглингтон.

– Многие из рассказа все-таки стало понятно, – сказал мистер Лэйтон. – Но не до конца.

– Вот именно! – воскликнул неожиданно хозяин дома. – Не до конца! До конца ничего не ясно. У нас множество разрозненных фактов, с которыми мы не знаем, что делать.

– Но в этом и состоит суть игры. Нам нужно только сложить все факты в какую-то единую версию, – ласковым тоном подбодрила его миссис Лэйтон.

– А что будет потом? Что толку от этой версии? – мистер Эглингтон был на грани нервного срыва. Он уже не пытался скрывать своей досады и разочарования. Ему казалось, что изначально не самая удачная затея превратилась в сущий кошмар. А тот факт, что вместо броши пропала его фамильная диадема, вызывал в нем ужасное негодование. Гости, впрочем, несмотря ни на что, чувствовали себя вполне комфортно и даже получали удовольствие от престранного развлечения.

Глава 6. Жало или шип

В течение следующего дня все обсуждали рассказ сэра Себастьяна и в особенности некоторые его отдельные детали. Например, почему собаки не учуяли котенка и не набросились на него. Решили спросить слугу, который кормил их поутру, и оказалось, что он обнаружил собак спящими и не смог разбудить, так что пришлось просто оттащить их в сарай, из чего можно было заключить, что их тоже усыпили. Картина начала вырисовываться. Стало очевидным, что мисс Адлер подъехала к воротам, каким-то образом привлекла собак и усыпила их, а затем прошла в дом. Но вот что странно: ночью никто, – ни слуги, ни гости, ни хозяева дома, – не слышал более или менее продолжительного лая, а ведь собаки должны были оживиться, увидев человека у ворот, тем более человека, который всячески привлекал к себе их внимание. Другой вопрос заключался в том, каким образом мисс Адлер открыла ворота и входную дверь. Версии были разные, но в итоге все сошлось на том, что, скорее всего, у нее просто были с собой ключи. Опять обратились к слугам, оказалось, что никакие из ключей не пропадали. И тогда кто-то из гостей предположил, что мисс Адлер могла сделать копии ключей, используя для этого отпечатки на брусках мыла, как поступил однажды какой-то книжный герой, имя которого так и не вспомнили. Снова обратились к слугам, и на сей раз выяснилось, что, действительно, когда мисс Адлер мыла руки в свой последний день пребывания в стенах Киддинг Холл, кусок мыла, которым она пользовалась, выскользнул у нее из рук и куда-то улетел. Горничная его так и не доискала.

Но если с ключами и собаками ситуация немного прояснилась, то с котенком и пчелой ничего не было до конца понятно. Мнения разделились: половина гостей склонялась к версии, что укусы пчелы и мяуканье котенка были преднамеренными событиями и имели важное значение в процессе ограбления. Другие же считали эти события случайными, не игравшими никакой роли в задуманном мероприятии.

«И каким образом пчела усыпила сэра Себастьяна, скажите пожалуйста?!» – звучал очевидный вопрос. «А таким, что это была вовсе не пчела! А шип, смоченный в сильнодействующем снотворном средстве и выпущенный из трубочки с помощью воздуха, набранного в рот! – звучал очевидный ответ. – Вы же сами слышали, никакого жужжания не было». Когда же противостояние приобрело антагонистический характер, на помощь пришел сэр Себастьян с предложением сформулировать полные версии представляющейся картины с учетом тех или иных предположений. От лица первой группы выступала неугомонная миссис Лэйтон. Представителем второй группы стал доктор Морен.

– Итак, моя версия событий такова, – начала миссис Лэйтон, окидывая взглядом всех, кто собрался в гостиной после ужина, – около полуночи мисс Адлер подходит к воротам поместья и подзывает к себе собак. Очевидно, она принесла с собой в сумке котенка, его запах привлек собак, и они мигом примчались к воротам. Как только они приближаются, она с помощью трубочки выстреливает в них шипами, заранее смоченными в снотворном растворе, и тут же исчезает. Я читала об этих нехитрых приспособлениях в каком-то журнале. К сожалению, уже не вспомню, в каком. Такими трубочками пользуются африканские аборигены, только они смачивают шипы ядом и таким образом умерщвляют жертв. Физических сил и специальных навыков для этого не нужно, достаточно лишь набрать побольше воздуха в легкие. Итак, она выстреливает в собак шипами и удаляется. По этой причине лай собак продолжается не долго, так что он не привлекает особого внимания. Дождавшись, пока собаки уснут, мисс Адлер открывает ворота заранее сделанной копией ключа и пробирается к дому, а именно, к распахнутым окнам кухни. Дождавшись, пока прислуга выйдет из кухни с подносом для сэра Себастьяна, мисс Адлер обходит дом, прячется где-то неподалеку под окнами охраняемой комнаты, может, в кустах, или за деревом, или на дереве – неизвестно, и снова достает из сумки

этого несчастного котенка. Она дожидается, пока мяуканье привлечет внимание бодрствующего сэра Себастьяна, и как только он высовывается в окно, выстреливает ему в шею шипом со снотворным. Сэр Себастьян думает, что его укусила пчела и не придает этому значения. Однако в доказательство того, что это была никакая не пчела, выступает отсутствие всякого жужжания. Тем временем прислуга возвращается со стаканом воды, снова уходит, набирает свежей воды из колодца, а также возится с лужей на полу кухни. Спустя пятнадцать минут она приходит с графином чистой воды к сэру Себастьяну, который уже пролил вино и спит на диване, стучится в дверь, не получает ответа, оставляет графин на столике и уходит. Пока прислуга отсутствует на кухне, мисс Адлер пробирается в кухню через окно, проходит в дом и прячется, предположим, в одной из ниш неосвещенных коридоров. Дождавшись, пока прислуга уйдет наконец спать, мисс Адлер поднимается на второй этаж к комнате, в которой крепко спит сэр Себастьян, открывает ее копией ключа, очевидно, сделанной в то же время, что и копия ключей от ворот, берет диадему и спокойно покидает дом таким же образом, каким и попадает в него, не забыв при этом закрыть ключами дверь комнаты и ворота.

Миссис Лэйтон театрально поклонилась в знак благодарности за внимание.

– А теперь я готова ответить на ваши вопросы, – сказала она с самодовольным видом, сложив руки на коленях, при этом совершенно не ожидая никаких вопросов. Брошена эта фраза была скорее в качестве клише. Озвученная версия казалась ейстройной и абсолютно логичной. Поэтому, услышав голос доктора Морена, раздражавшего ее своей непоколебимой уверенностью, она невольно вытянулась в лице.

– Вопросы у нас всех, конечно же, возникли, миссис Лэйтон, – как всегда серьезно и холодно заявил доктор Морен. – Позвольте мне озвучить их по порядку.

– Я вся внимание, – скептически бросила миссис Лэйтон.

– Первый вопрос, – или, правильнее будет сказать, сомнение, – возникло насчет лая собак. Вы утверждаете, что, поскольку источник раздражения быстро удалился, собаки почти сразу перестали гавкать, поэтому никто не обратил внимания на непродолжительный лай. Однако смею заметить, что некоторые слуги, окна которых выходят на ту же сторону, что и окна комнаты, в которой ночевал сэр Себастьян, все-таки слышали мяуканье котенка. Тогда было бы неразумно полагать, что при открытых окнах и таком чутком сне они могли бы не услышать собачий лай.

– Я вовсе не утверждала, что они его не слышали, – возмутилась миссис Лэйтон. – Я сказала, что на него никто не обратил особого внимания, потому что он был *непродолжительным*. Собаки постоянно лают по разным причинам: то мышшь пробежит, то волк где-нибудь завоет, да мало ли почему еще.

– И все-таки это была не мышшь, а человек, а значит, лай должен был продолжаться хотя бы несколько секунд. И поскольку как минимум двое слуг слышали плач котенка, значит, за четверть часа до этого они точно должны были слышать лай, не говоря уже о том, что его должен был слышать и сэр Себастьян, а также служанка, которая бодрствовала, и может быть кто-нибудь еще, кого собаки могли разбудить, поскольку из-за жары большинство окон распахнуто настежь, а собачий лай намного громче, чем мяуканье котенка.

– К чему вы клоните?

– К тому, что это событие вообще не имело место быть. Собачьего лая хотя бы протяженностью несколько секунд никто не слышал, а значит, и у ворот никого не было.

– Но как же тогда мисс Адлер пробралась в дом?

– Этого я не знаю.

Миссис Лэйтон снисходительно улыбнулась:

– Что ж, пожалуй, ваши сомнения небезосновательны, – сказала она и хотела добавить какой-либо едкий комментарий насчет того, что у доктора Морена нет своего собственного ответа на заданный вопрос, но внезапно погрузилась в раздумья, так и не закончив фразу.

– Можно предположить, например, что мисс Адлер принесла с собой небольшую лестницу, прислонила ее к забору и с него незаметно выстрелила в собак шипами, – сказала вдруг мисс Чепмэн.

Доктор Морен никак не прокомментировал ее предположение. Он сидел с таким лицом, будто и вовсе не слышал сказанного. Остальные тоже не обратили на нее особого внимания.

– В таком случае собаки бы все равно учуяли запах и подняли лай, – объяснил из вежливости мистер Лэйтон после затянувшейся паузы. – И потом, сомневаюсь, что хрупкой женщине по силам было орудовать лестницей.

– Может она попросила кучера ей помочь? – предположила мисс Чепмэн.

Теперь уже и мистер Лэйтон проигнорировал ее замечание.

– А может, она приласкала их... – сказала очнувшаяся от раздумий миссис Лэйтон. – Я имею в виду, может быть, она принесла им какой-нибудь еды? Я видела, как мисс Адлер играла с собаками в саду, в первый же день, как мы здесь собрались.

Доктор Морен как-то странно посмотрел на нее. Миссис Лэйтон стало не по себе, но она не подала виду.

– Такой вариант вас устраивает? – спросила она профессора.

Он кивнул.

– Прости, дорогая, – вдруг сказал мистер Лэйтон, – но как же быть со снотворным в воде и опрокинутым графином?

Миссис Лэйтон яростно блеснула глазами.

– Вполне вероятно, что его там и не было. Ведь мы не имели возможности сделать экспертизу. Мы основывались только на ощущениях: вкусовых ощущениях сэра Себастьяна и обонятельных ощущениях доктора Морена, – последнюю фразу она проговорила очень аккуратно, даже немного робко, не желая задеть чувства упомянутых персон. Будто бы громкость ее голоса могла каким-то образом облегчить брошенные в лицо, хоть и завуалированные, обвинения в некомпетентности. Сэр Себастьян улыбнулся одним уголком губ, профессор нахмурился, но уже через секунду лицо его вновь стало прежним.

– Хорошо, – не унимался мистер Лэйтон, – допустим, у нас нет научно подтвержденного доказательства, что в воде было снотворное. Но как же опрокинутый графин?

– Меня устраивает версия с кошкой.

Мистер Лэйтон соорудил скептическую гримасу.

– А что не так? – спросила его жена.

– Вам не кажется, что слишком много совпадений, дорогая?

– Нет. Я основываюсь на фактах, а не на домыслах. Но мне кажется, что в случае с сэром Себастьяном, странный вкус воды мог быть самовнушением. Надеюсь, вы не обидитесь на меня за эти слова, – обратилась она к сэру Себастьяну.

– Нисколько, – ответил он с легкой улыбкой. – Ваше утверждение я не готов оспорить. Это действительно было лишь мое субъективное ощущение.

– Прекрасно. А в случае с профессором... Профессор, скажите, пожалуйста, запах, который вы почувствовали, может быть запахом чего-то еще? Или это единственный подобный запах на земле и его никогда ни с чем нельзя спутать?

Мисс Чепмэн охнула от возмущения.

– Простите за то, что мы препарлируем вас как лягушку, сэр Себастьян, – сказала миссис Лэйтон, поняв, что любопытство лишило ее всякого такта.

– Ничего. Меня, также как и вас, мучает научный интерес.

Все уставились на профессора.

– Теоретически, миссис Лэйтон права, – вымолвил доктор Морен ледяным тоном. – Это мог быть запах чего-то еще.

– Благодарю, профессор. Это я и хотела услышать.

– А если бы окно было закрыто, как бы мисс Адлер выманила сэра Себастьяна наружу? – спросила мисс Чепмэн.

– Что вы имеете в виду?

– Вы сказали, что она специально принесла котенка, и поскольку окно было открыто, сэр Себастьян высунулся на звук. А если бы окно было закрыто, он бы не высунулся. Откуда она могла знать, что окно будет открыто?

– Мы с сэром Себастьяном это обсуждали ранее. И он верно заметил, что стоит жара и многие окна в доме открыты.

– А если бы оно было закрыто?

– Ну, не знаю, кинула бы камешек в окно.

– А если бы он не открыл?

– Мисс Чепмэн, – нетерпеливо проговорила миссис Лэйтон, – мы строим теорию, основываясь на том, что было, а не на том, что могло или не могло быть. Если у вас есть своя версия, пожалуйста, озвучьте ее.

Она сделала жест рукой, как бы предлагая мисс Чепмэн взять слово, на что та в ответ лишь смущенно отмахнулась и замолчала.

– Так, значит, больше нет вопросов? – осведомилась миссис Лэйтон, обводя взглядом всех присутствующих. Гости молчали, но лица их выражали сомнение. В воздухе повисло что-то невысказанное.

– Нет, – холодно отозвался доктор Морен, вставая с кресла. – И тем не менее, вы не чувствуете удовлетворения, потому что оно передается вам ото всех присутствующих. В том числе и от меня. Я поясню, с вашего позволения.

Миссис Лэйтон уставилась на него исподлобья.

– Ваша теория очень даже стройна, – начала он, подойдя к окну, – но все-таки смущает ее необычность, или, можно сказать, смелость. Я читал про различные охотничьи орудия аборигенов, в том числе и про трубочки, и про шипы, а также про известную меткость некоторых представителей. Но все-таки сложно представить мисс Адлер с трубкой в руках и с шипами в зубах. Однако мы попробуем сделать это, тогда возникает вопрос, где бы ей раздобыть эти орудия в такой короткий срок. А даже если она раздобыла, когда бы ей успеть потренироваться в меткости? Ну, допустим, попасть в псов с расстояния около трех-шести футов не составит большого труда, однако попасть в окно второго этажа точно в шею сэра Себастьяна, стоя при этом на земле, представляется мне маловероятным. К тому же даже в темноте он должен был разглядеть ее силуэт. Вы можете предположить, что она пряталась в ближайших кустах, на что я отвечу вам, что расстояние до окон второго этажа в таком случае становится еще больше, а вероятность попасть точно в шею сэра Себастьяна – еще меньше. Вы предположите, что она, может быть, забралась на дерево неподалеку от окон той комнаты. На это я возражу вам, что представить мисс Адлер, лазающую в платье по деревьям еще сложнее, чем мисс Адлер, орущую аборигенской трубкой и шипами, как заправский житель джунглей. Вы сказали, что не основываетесь на домыслах, но ваша версия и есть домысел. При всем уважении, миссис Лэйтон, – доктор Морен отвернулся от окна и посмотрел в упор на свою оппонентку, – мисс Адлер не уличная циркачка-акробатка в образе великосветской дамы и не африканский мальчишка в юбке. Безусловно, она необычная женщина, и тот факт, что она подписалась на такую авантюру, чтобы доставить себе и всем нам удовольствие, уже говорит о многом. Но, полагаю, она изначально придумала какое-то простое и лаконичное решение, и только поэтому предложила его разыграть. Вот почему ваша теория кажется притянутой за уши и больше похожа на весьма неправдоподобную детективную историю в дешевом журнале, выдуманную писателем-дилетантом. Надеюсь, вы простите меня за такие сравнения.

Пока доктор Морен говорил, градус его интонации повышался, голос из спокойного стал громким, и в конце повествования в нем клокотало такое напряжение, что, казалось, профес-

сор воспринял версию миссис Лэйтон как личное оскорбление. Он закончил так неожиданно, будто поставил жирную точку в конце письма и проткнул пером бумагу.

В гостиной воцарилась тишина.

Миссис Лэйтон с достойным видом выслушала все сказанное. Она выпрямилась в кресле, глаза ее сузились, но лицо было сдержанным. Только пылающие щеки выдавали накопившееся негодование.

– Что ж, возможно, вы и правы, доктор Морен, – сказала она с нотками металла в голосе. – Вы располагаете той же информацией, что и я. Предложите свою версию событий.

– Она не сильно отличается от вашей, – уже спокойно ответил профессор.

Миссис Лэйтон подняла одну бровь. Какое нахальство – разгромить ее в пух и прах, развиться уничтожающей тирадой, чтобы в конце концов заявить, что его версия ничем не отличается. Просто смешно. На этот раз она не смогла сдержаться, и уголки ее губ предательски поползли вверх.

– Вы, должно быть, шутите? – усмехнулась миссис Лэйтон.

Доктор Морен вздохнул:

– Я сказал, что ваша теория довольно стройна. Я с ней во многом согласен, – голос его был почти мягок, он будто сожалел о том, что так распалился несколько минут назад в своей обличительной речи. – Но меня смущают некоторые моменты. Они делают ее нелепой. Я не мог найти объяснений, которые бы меня устраивали, но и ваши предположения казались мне сущим кошмаром.

«Говорит, будто орудует скальпелем», – подумала миссис Лэйтон. У нее больше не осталось душевных сил терпеть оскорбления в свой адрес, и она решила воспринимать их как манеру речи. Видно, чтобы быть хорошим хирургом, нужно быть достаточно жестоким.

– Однако вы сказали нечто такое, что натолкнуло меня на определенные мысли и кажется, все кусочки картины сложились наконец в единое целое.

– Так поделитесь с нами, – предложил кто-то из гостей, примыкающий к противоположной группе.

– Что ж, с вашего позволения, – начал профессор и медленно заходил по комнате. – Около полуночи мисс Адлер подошла к воротам поместья. Как правильно заметила миссис Лэйтон, и я с ней полностью согласен, скорее всего, она принесла собакам какое-то лакомство. Именно эта идея миссис Лэйтон и натолкнула меня на разгадку. Судя по всему, лакомство содержало в себе снотворное. Предположим, это были куски мяса, сырого или вареного – не важно. Снотворное могло быть посыпано сверху в виде порошка или же вколото в виде раствора шприцем. Полагаю, мисс Адлер перебросила лакомство через решетку ворот и удалилась на некоторое расстояние. В скором времени псы прибежали на запах, обнаружили лакомство, заглотив его и меньше чем через четверть часа уснули, а мисс Адлер открыла ворота припасенной заранее копией ключа и спокойно прошла к дому. Именно поэтому никто не слышал лая.

Идем далее. Как правильно установила миссис Лэйтон, мисс Адлер, очевидно, подошла в первую очередь к окнам кухни. Выбор этот был сделан не случайно. Миссис Лэйтон утверждает, что мисс Адлер ждала момента, когда служанка понесет еду сэру Себастьяну. Я же думаю, что мисс Адлер могла появиться задолго до этого, ведь она не знала, когда именно понесут еду, но я согласен, что она ждала, пока служанка удалится из кухни. Вряд ли мисс Адлер влезала в окно первого этажа. Лично мне это не представляется возможным. Полагаю, у нее был ключ и от черного хода. Не вижу причин, по которым бы она не сделала копии трех ключей вместо двух. Так вот, оказавшись на кухне, мисс Адлер добавила, – в жидком виде или же в виде порошка, не могу точно сказать, – снотворное в графин с водой. Как нам удалось выяснить, ей было известно, что сэр Себастьян не пьет вино. Затем она удалилась. Возможно,

вышла на улицу и наблюдала через окна в кухне, а, возможно, скрылась, как предположила миссис Лэйтон, где-то в темноте дома.

Далее проследим за действиями прислуги. Девушка возвратилась в кухню, взяла еду и вино и пошла к сэру Себастьяну. Он попросил принести ему воды, она возвратилась и, неправильно поняв его просьбу, отнесла ему не целый графин, а только лишь стакан воды. Графин же остался на кухне. Мисс Адлер, видя это, очевидно, решила перестраховаться, на случай, если сэр Себастьян не попросит принести графин, а кто-то из гостей или же сама служанка выпьет воды со снотворным. Она возвратилась в кухню и вылила воду на пол, а графин положила на стол таким образом, чтобы казалось, будто его перевернула кошка, случайно прошмыгнувшая в кухню. При этом она не забыла оставить дверь приоткрытой, чтобы дать версии с кошкой возможность существования. Здесь нужно отдать должное ее изобретательности.

Служанка вернулась на кухню и некоторое время провозилась с лужей. Сэр Себастьян между тем съел еду и запил ее стаканом воды. Что с ним происходило дальше нам известно: снотворное начало действовать, сэр Себастьян открыл окно, после чего ему пришлось пережить еще одно испытание в виде укуса насекомого. – Тут доктор Морен сделал паузу и внимательно посмотрел на миссис Лэйтон, предполагая, что у нее возникнет очевидный вопрос. Дама не заставила себя долго ждать:

– Простите, но ведь сэр Себастьян ясно сказал, что не слышал никакого жужжания. Как вы это объясните, профессор?

У доктора Морена уже был готов ответ:

– Я полагаю, насекомое могло сидеть на раме и просто-напросто переползти с рамы на плечо, а затем двигаться по воротнику к шее. В таком случае оно не издавало звуков.

– Только если сэр Себастьян стоял достаточно близко к раме, – строго заявила миссис Лэйтон и с надеждой посмотрела на сэра Себастьяна, к которому теперь было приковано внимание всех присутствующих.

– Осмелюсь утверждать, что я стоял достаточно близко к раме, – ответил гость и одарил миссис Лэйтон дружеской улыбкой, как бы извиняясь за то, что не смог поддержать ее в этой борьбе.

– Что ж, продолжим, – удовлетворенно заключил доктор Морен.

– А котенок? – не унималась миссис Лэйтон. Она не готова была уступить свои позиции так просто.

– Думаю, котенок был. Но это чистая случайность. Так же, как и наличие насекомого на раме.

– Откуда же здесь взяться котенку? Насколько нам известно, сейчас в поместье нет никаких котят, все только взрослые кошки.

– Выпал из проезжающей мимо почтовой кареты и пришел к дому на запах, – сказал доктор Морен первое, что пришло ему в голову. Он уже был в известной степени раздражен, поскольку не привык, чтобы его перебивали, пусть даже красивые женщины, нет, тем более красивые женщины! – Это неважно. Я думаю, в любом случае, он попал сюда случайно, и мы знаем о нем лишь потому, что он не был растерзан собаками в тот вечер, поскольку они спали крепким сном. Неизвестно, скольким его предшественникам повезло намного меньше, чем ему.

«Манера говорить, манера говорить...» – твердила мысленно миссис Лэйтон, пытаясь побороть в себе желание ткнуть профессору в ногу чем-нибудь сильно острым, желательно из того же набора инструментов, которыми он привык орудовать во время операций.

Убедившись, что вопросов больше нет, доктор Морен продолжил:

– Итак, мы остановились на укусе насекомого. Снотворное продолжает действовать. Не дождавись служанки, сэр Себастьян в агонии борьбы со своим организмом схватил кувшин и, не успев сделать глоток, упал на диван, пролив вино. Девушка тем временем закончила

уборку, набрала воды и поднялась наверх. Не получив ответа на стук, она оставила графин и удалилась. Подождав еще немного и убедившись, что служанка ушла спать, мисс Адлер поднялась на второй этаж, открыла ключом дверь и забрала диадему. Полагаю, на обратном пути она не забыла закрыть за собой комнату, дверь черного выхода и ворота на ключ.

Закончив говорить, доктор Морен остановился и окинул взглядом присутствующих. Теперь их лица в большей степени выражали удовлетворение.

– А что с коробкой? – спросила вдруг мисс Чепмэн.

– С какой коробкой?

– Вы ничего не сказали про посылку. Ни вы, ни мисс Лэйтон.

– Да какое это имеет значение? – недовольно воскликнула миссис Лэйтон. Ее настроение изрядно подпортилось, и с каждым глупым вопросом мисс Чепмэн, этой старой перечницы, которая к тому же постоянно называла всех замужних женщин «мисс» (какая бесцеремонность!), становилось все мрачнее и мрачнее.

– Ах, посылка, – вспомнил профессор. – С ней, в отличие от остального, все более или менее ясно. Она была запакована и выставлена за дверь как раз тогда, когда прислуга ушла за чистой водой. Я думаю, все было так, как сказал сэр Себастьян. А вы?

Глава 7. Обман зрения

Утром третьего дня приехал кучер с письмом.

– Привезли письмо для сэра Себастьяна, – сказал хозяин дома и протянул конверт.

Сэр Себастьян распечатал конверт под любопытными взглядами всех присутствующих.

– А, это от мисс Адлер, – сказал он, пробежав глазами несколько строк. – Здесь разгадка. Думаю, будет лучше, если письмо будет читать женщина. Как бы от имени мисс Адлер.

– Позвольте мне, – вызвалась миссис Лэйтон.

Она развернула письмо, набрала в легкие воздуха и начала читать:

– «Приветствую всех вас, господа! Надеюсь, вы интересно провели время.

Если вы читаете (или слушаете) это письмо, значит, мои расчеты были верны и все прошло так, как и задумывалось.

Полагаю, у вас было несколько версий событий, но в конечном итоге вы все-таки пришли к какой-то одной, наиболее логичной. Уверена, в ваших версиях я выступала заправским акробатом, стрелком, с легкостью перемещалась по всему дому и его окрестностям незамеченной, подсыпала снотворное куда ни попадя, находила нужные ключи от всех дверей, а то и орудовала отмычками, как взломщик со стажем. Но как бы ни разыгралась ваша фантазия, ничего из этого не имело место той ночью, кроме одного – это действительно было снотворное, однако лично я никуда его не подсыпала. Ну да обо всем по порядку».

Содержание абзаца задело миссис Лэйтон, но она не подала виду и продолжила:

– «Для начала хочу сказать вам, господа, что преступник, в нашем случае – грабитель, это не волшебник и не циркач, это обычный человек, у которого есть определенные габариты, а также физические способности, зачастую не отличные от способностей среднестатистического человека, а значит, даже под покровом ночи он вряд ли сможет остаться незамеченным, прячась за деревом, или пробраться на второй этаж по веревке и пролезть в форточку. Также у преступника есть время, которое работает не в его пользу, а значит, он не может бесконечно выжидать в укромном месте, пока обстоятельства сложатся таким образом, каким ему нужно. И последнее, что является самым главным: всегда есть случайный фактор. Я имею в виду те обстоятельства, которые ни от кого и ни от чего конкретного не зависят и не могут быть предусмотрены заранее. Например, внезапная головная боль кого-нибудь из обитателей дома, которая не дает уснуть и заставляет бесцельно смотреть в окно, бродить по дому, а то и по саду; неожиданно налетевшие тучи, которые делают ночь безлунной и беззвездной, погружая все вокруг в такой непроглядный мрак, что даже самый зоркий и опытный воришка становится парализованным этой темнотой.

Ну а теперь перейдем непосредственно к делу. Если бы я была преступником, например, вором, и хотела бы ограбить нашего дорогого мистера Эглингтона, прежде всего я бы обзавелась сообщником, руками которого могла бы действовать, оставаясь при этом на значительном расстоянии и обеспечивая себе, если хотите, железное алиби. Что же касается сообщника, я бы предпочла на эту роль такого человека, которого сложно было бы заподозрить хоть в чем-нибудь предосудительном...».

Тут миссис Лэйтон слегка улыбнулась, так как уже догадалась, о ком идет речь.

– «...и еще подстроила бы все так, чтобы он и сам в первую очередь стал жертвой обстоятельств ограбления. Находясь в центре событий, он мог с легкостью устроить все нужным образом, при этом вызвал бы наименьшие подозрения в случае, если бы вы все-таки рассматривали версию с сообщником.

Как вы уже догадались, сообщником был сэр Себастьян Атгаль, а само действие начало разыгрываться нами задолго до наступления той самой ночи ограбления».

Услышав имя, гости загудели и зашушукались, многие рассмеялись, а мисс Чепмэн издала возмущенный возглас. Хозяин дома попросил тишины, и миссис Лэйтон продолжила:

– «Теперь выстроим все события с самого начала в хронологическом порядке. Как только мне в голову пришла идея этого баловства, я поделилась ею с сэром Себастьяном, он одобрил мой план и даже несколько улучшил его. После того, как я получила согласие мистера Эглингтона и всех остальных гостей, можно было приступить к осуществлению плана.

Итак, было уговорено, что преступление совершится в одну из трех ночей. Я предполагала, что вы из благородных побуждений сделаете мне снисхождение и не выставите охрану в комнате или в доме в первую же ночь, но также было очевидно, что в ту ночь никто не сомкнет глаз. На вторые сутки, я уверена, напряженное ожидание и бессонная ночь взяли верх, но и тогда ничего не произошло. Утром третьего дня вы получили письмо, где, как вы все помните, я приносила извинения и объясняла, что все должно было свершиться на третью ночь, но, к моему большому сожалению, я не смогла осуществить задуманное в силу большой загруженности. Не сомневаюсь, что расчет был верен и половина из вас попались на уловку, а другая половина – нет. Надеюсь, вы сразу же простили мне эту небольшую хитрость, а если нет, то в свое оправдание могу сказать, что в реальной жизни, если вы стали объектом планируемого ограбления, то вряд ли вы вообще будете знать об этом событии заранее, не говоря уже о точном дне его наступления.

Далее в дело вступил наш дорогой друг сэр Себастьян, который является не только отличным актером и психологом, но и настоящим благородным джентльменом. Чтобы задуманное удалось, он согласился весь прекрасный солнечный день провести в постели, притворяясь больным, чтобы потом предложить свою кандидатуру на роль часового. Ему не нужно было на самом деле заставлять себя спать днем, а только лишь несколько раз симитировать сон во время появления тех, кого попросили бы за ним приглядывать, ведь ближайшей ночью он собирался крепко выспаться.

Также в этот день сэр Себастьян сделал еще одно важное приготовление, которому вы, скорее всего, не придали никакого значения. Речь идет о посылке, которую он должен был отправить с утренней почтой».

В этом месте раздался недовольный ропот мисс Чепмэн, но миссис Лэйтон сделала вид, что ничего не услышала и продолжила читать:

– «Посылка сыграла в дальнейшем важную роль, о которой вы узнаете ниже по тексту. Коробка все время оставалась незапечатанной, так как предполагалось, что в нее будет вложено письмо, а утром его отдадут почтальону, который появляется раз в три дня. Нам повезло: следующее утро было как раз третьим по счету от последнего визита почтальона, и мы воспользовались этой возможностью. Но если бы оно таковым не являлось, или промежуток между визитами почтальона был больше, уверена, мы без труда придумали бы что-нибудь еще.

Идем дальше. К вечеру сэр Себастьян должен был совсем оправиться от выдуманной болезни и провести ужин в кругу гостей, где, разумеется, тема ограбления должна была вновь всплыть, а он должен был предложить свою кандидатуру на роль часового. Именно его кандидатура была самой подходящей на тот момент, так как, по легенде, он совершенно не хотел спать, поскольку спал весь день. Также они с мистером Эглингтоном договорились, что сэр Себастьян напишет письмо ночью, как раз в то время, пока будет охранять комнату от непрошенных гостей. Так как почтальон должен был появиться рано утром, сэр Себастьян попросил принести в комнату с диадемой все необходимое, чтобы он мог самостоятельно запечатать посылку, как только допишет письмо: почтовую бумагу, шпагат, сургуч и прочее. Было условлено, что как только письмо и посылка будут полностью готовы, он откроет дверь и оставит коробку на пристенном столике, а утром кто-нибудь из слуг заберет ее и отдаст почтальону. Также стоит сказать, что к внутренней стороне своей одежды сэр Себастьян заранее прикре-

пил с помощью иголки небольшой мешочек со снотворным порошком. Это все, что касается приготовлений.

Дальнейшие события я буду описывать таким образом, будто сама за ними наблюдала, хотя, конечно же, я прокрутила их только лишь в своей голове.

Итак, сэр Себастьян закрывается в комнате. Через какое-то время приходит служанка с едой. Точное время назвать не могу, ибо его он должен был определить сам незадолго до расставания с мистером Эглингтоном. Перед ее приходом сэр Себастьян открывает окно. Когда приходит служанка, он отправляет ее за водой, а сам тем временем высовывается в окно и издает звуки мяукающего котенка. Это привлекает к его окну собак. Сэр Себастьян посыпает порошком принесенные для него куски мяса и кидает их псам. Также он неглубоко колет себя иглой в шею.

Когда служанка возвращается с графином воды, сэр Себастьян, ссылаясь на сильную жажду, тут же наливает в стакан немного воды и выпивает. Он говорит ей, что вода кажется ему немного странной на вкус, и просит отнести графин на кухню, а ему принести свежей воды из колодца. Графин со «странной» водой, из понятных соображений, он просит не выливать, а оставить до утра, убрав подальше, чтобы никто не смог из него попить.

Когда служанка удаляется, сэр Себастьян спускается следом, прихватив с собой пустой стакан, ждет, когда она покинет кухню, затем наливает в стакан воды из графина, оставшуюся воду выливает на пол, кладет графин на бок, оставляет дверь приоткрытой и возвращается обратно со стаканом воды. (Мы условились, что, если графин будет оставлен на открытой поверхности, например, на столе или на шкафу, то его следует перевернуть, пролив воду на пол. Это даст возможность существовать версии с неожиданным проникновением на кухню какого-нибудь неосторожного зверя, например, кошки. Если же служанка сразу уберет графин подальше, тогда нужно будет достать его, вылить воду в окно, и вернуть на место – это бы сразу указало на действия третьего лица – преступника, что тоже неплохо). Вернувшись в комнату, сэр Себастьян кладет в пустую почтовую коробку диадему, запечатывает посылку и выставляет за дверь на столик».

Миссис Лэйтон снова услышала цоканье и недовольные высказывания мисс Чепмэн.

– «Когда служанка приносит графин свежей воды, он не отвечает на ее стук в дверь, притворяясь спящим. Сразу ответу на возникший у вас в голове вопрос: откуда мы могли знать, что сэру Себастьяну хватит времени и на то, чтобы спуститься на кухню, и на то, чтобы разобраться с коробкой. С кухней все понятно: он шел практически по следам служанки. А вот относительно посылки, мы рассчитывали на то, что служанка все-таки оставит графин на видном месте до того, как уйдет за водой, а когда вернется и увидит лужу, потратит некоторое время, чтобы ее убрать. Именно его сэр Себастьян и должен был использовать, чтобы запечатать посылку. В случае, если бы служанка сразу убрала графин в шкаф, у нас был запасной вариант: разбить какую-нибудь недалеко стоявшую от края утварь, чтобы использовать время, которое служанка потратит на уборку осколков.

Идем дальше. Служанка уходит. В комнате сэр Себастьян растворяет оставшийся порошок в стакане воды, выпивает его и ждет, пока снотворное подействует. Было уговорено, что для лучшего эффекта он прольет на себя вино. Признаюсь, мне совершенно не хотелось подвергать его подобной пытке, но он все-таки уговорил меня, сделав упор на том, что выльет на себя вино в последний момент, сразу после того, как почувствует, что больше не в силах бороться со сном. Ну а далее вы и сами были свидетелями всего происходящего.

Теперь стоит пояснить некоторые моменты. Если рассматривать это преступление как задачу, которую вам предстояло решить, то можно обнаружить в ней множество лишних данных. Они были введены для того, чтобы спутать следы (в свое оправдание могу сказать, что никакой преступник не упустит такой прекрасной возможности) или же, в нашем случае, чтобы усложнить задачу и увлечь всех вас. Некоторые из показаний совсем не несли никакой смыс-

ловой нагрузки, такие как «укус насекомого» или же мяуканье; другие нужны были для того, чтобы ввести следствие в заблуждение и снять подозрения с исполнителя главной роли: например, опустошенный графин на кухне, исчезнувший брусок мыла. Что же касается письма, то благодаря ему посылка, в которой должна была быть спрятана диадема, оставалась незапечатанной до определенного момента, а также находилась в нужном месте в нужное время.

Ну и последнее, – сущие пустяки, – куда делся мешочек из-под снотворного и игла, ведь раздевая сонного сэра Себастьяна, слуги могли обнаружить их? Все очень просто: после использования он был прикреплен к внутренней стороне верхней портьеры все на ту же иглу. Мы побоялись прятать его где-то в доступном месте, рассчитывая на то, что кто-нибудь начнет добросовестно обыскивать комнату на наличие улики. Скорее всего, мешочек все еще там, в чем вы можете самостоятельно убедиться.

Теперь, когда тайна преступления раскрыта, вам не дает покоя один важный вопрос: что стало с диадемой? Могу заверить вас, что она в целости и сохранности. Дело в том, что когда сэр Себастьян запечатывал посылку, он намеренно указал на ней неверный адрес. Адрес получателя на этой посылке полностью совпадает с адресом отправителя, а сам отправитель и является получателем. Разумеется, почтальон не обратил на это никакого внимания, и дальше почтового отделения коробка не уйдет. Таким образом, вместе со следующим визитом почтальона в Киддинг Холл, посылка с диадемой прибудет прямо в руки мистера Эглингтона. И, раз уж мы условились, что на решение головоломки отводится три дня с момента третьей ночи, и вы читаете это письмо, значит, завтра утром диадема вернется домой».

Глава 8. Немного солнца, просыпанного на дороге

– Себастьян... Неплохое имя. Мне нравится, – сказала Ирен брату.

Был теплый солнечный день. Брат с сестрой сидели в кэбе, который вез их к главному Парижскому вокзалу. Через полчаса они должны были сесть на поезд, отправляющийся на юг Франции – домой.

Серж улыбнулся.

– Скажу честно, – призналась Ирен, – у меня внутри все похолодело, когда ты назвал имя отца.

– Я и раньше называл его, когда представлялся своим полным именем.

– Я знаю, просто странно было слышать его из твоих уст вкупе с выдуманным именем.

– Мне понравилась некая симметрия в именах: Серж Адлер и Себастьян Агталь. Я специально старался подобрать имя и фамилию, начинающиеся на те же буквы, чтобы случайно не сбиться. И когда я представлялся, мне вдруг захотелось назваться полным именем. Я подумал, что не будет ничего страшного, если я назову свое настоящее второе имя – Александр.

– Ты все придумал отлично. Просто мне стало немного не по себе. Нам постоянно встречается кто-нибудь с именем Александр. Но в тот момент, во время знакомства, я знала, что это не просто имя, а твое настоящее второе имя, папино имя. Я давно его не слышала.

Серж выжидающе посмотрел на Ирен.

– Это не значит, что ты не должен его использовать, – поспешила объяснить она. – Я просто решила поделиться с тобой своими ощущениями. Забудь.

– Я тебя понял.

Ирен подседа ближе к окну, как раз туда, где на сиденье лежала широкая полоса света, и, зажмурив глаза, подставила лицо теплым солнечным лучам.

– Это хорошая идея – использовать имена, начинающиеся на ту же букву. Так действительно проще запомнить, – сказала она. – Надо будет и мне в следующий раз изменить имя. Иначе слишком рискованно.

– Пожалуй.

Снаружи доносился городской шум. Кэб уже отъехал от порта на значительное расстояние и теперь приближался к центру Парижа.

– Расскажи про диадему. Все прошло гладко? – спросил Серж.

– Да. Я сняла две комнаты в отеле. В одной из них мы устроили настоящую ювелирную мастерскую для Мишеля. Он привез все необходимое с собой.

– И он спокойно уложился в три дня?

– Ну, спокойно – это громко сказано. Он уложился в срок, как и обещал, но работал все два дня и ночь без сна. Мы ведь потеряли целые сутки, пока ждали посылку.

Серж кивнул.

– В итоге получилась идеальная копия диадемы. Знаешь, там на одном камне был скол, а еще небольшая царапина на внутренней части обода. Этот самый камень Мишель вытащил из оригинала и вставил в копию, а еще в точности воспроизвел на ней царапину. Так что мистер Эглингтон ни за что не отличит копию, которую мы ему отправили, от подлинной диадемы. Только если не отдаст ее ювелиру, но это вряд ли.

– И оригинал не пострадал от этого?

– Ни капли. Уж не знаю, как Мишель это сделал. Но тебе известно, какой он талант. Ювелир в шестом поколении, как-никак. Тот, кто не знает про скол, никогда не обнаружит, что в оригинале один из камней подменили, тем более подменили ведь не стекляшкой, а настоящим сапфиром. А про повреждения и сам мистер Эглингтон был не в курсе. Я специально завела разговор про царапину и про тот камень со сколом, когда мы с ним рассматривали диа-

дему и, как оказалось, мистер Эглингтон никогда не обращал на это внимания. Уверена, когда он получит копию диадемы, он первым делом проверит ее на наличие этих опознавательных знаков, а когда обнаружит их, сразу же успокоится, решив, что держит в руках подлинник. Думаю, нам не о чем волноваться.

– А как ты подменила коробку на обратном пути?

– Я разве не рассказывала тебе? – удивилась Ирен.

– Нет, мы не успели это обсудить, и ты сказала, что все уже продумала и сама разберешься. Но я все равно беспокоился за тебя. Не люблю, когда ты меня не посвящаешь, – Серж взъерошил рукой волосы на голове. – Я просто указал тот адрес получателя, что ты назвала, и мне оставалось только надеяться, что служанка не обратит на него внимания. Хотя если бы она и посмотрела на него, про эту посылку все равно забыли. Даже после того, как миссис Лэйтон зачитала всем твое письмо, никому и в голову не пришло поинтересоваться у служанки про адрес. К прислуге вообще мало кто прислушивается, хотя чаще всего им известно намного больше, чем хозяевам.

– Это верно, – согласилась Ирен, продолжая с довольным видом жмуриться от солнечных лучей, проникающих в окно кэба. – В общем, что касается адреса, который я тебе дала... Я узнала про места, куда не ходит их почтальон, и выбрала из них ближайшее к местному почтамту, нашла там приличные апартаменты, забронировала их, а после дала тебе адрес. Посылку нам принесли утром следующего дня. Через два дня, уже к ночи, диадема была готова, мы поместили ее в ту же самую коробку, заново обернули почтовой бумагой и запечатали в точности, как это сделал ты. Я скопировала твой почерк, указала в отправителях и получателях мистера Эглингтона, тщательно загримировалась и поехала на почту. Там, разумеется, никого не было. Я долго стучала в двери, пока не разбудила сторожа. Назвала ему какое-то длинное выдуманное имя, которое совершенно невозможно воспроизвести, долго и слезно объясняла ему, что у меня срочная бандероль и что она должна уйти завтра утром, а потом довольно щедрая сумма сделала свое дело, и он пустил меня внутрь. Пока он искал, где лежат отправления на ближайшее утро, я незаметно проштамповала посылку печатью «Возврат», а после мы оставили ее в нужном месте. Полагаю, ее доставили на следующее утро?

– Да, – Серж улыбнулся. – Ты молодец. Все сделала как надо.

Ирен уловила недосказанность в его интонации.

– У тебя есть какие-то сомнения? – спросила она.

– Мы слишком сильно рискуем, – сказал брат, слегла нахмурившись. – Делаем много допущений и в некоторых вещах полагаемся на удачу.

– Но лишь в мелочах.

– Любая такая мелочь может все испортить. Ты ведь это прекрасно понимаешь, И.

– Понимаю.

– Взять хотя бы эту путаницу с адресами. Что, если бы служанка обратила внимание на адрес получателя? Что, если бы кто-нибудь спросил ее об этом?

– А что мне было делать?

– Ничего. Я тебя ни в чем не обвиняю. Просто мы должны лучше продумывать все детали, даже самую мелочь.

– Да, но не всегда же можно на сто процентов предугадать, как все пойдет.

– Значит, нужно отказаться от такого плана и заменить его таким, в котором можно.

– Ты очень максималистичен, – заключила Ирен с нотками обиды в голосе.

– Меня волнует наша безопасность.

– Я знаю. Но мы никогда не сможем разработать такой план, в котором не будет допущений.

Серж строго посмотрел на Ирен.

– Я имею в виду, – поспешила объяснить она, – что всегда присутствует случайный фактор. Я согласна, что мы должны сделать все возможное, чтобы свести риск к нулю, но...

– Значит, мы должны предусмотреть *все* возможные случайности и иметь четкий план действий для каждой из них, – перебил Серж.

– Именно это я и хотела сказать. Мы должны каждый раз оставлять пространство для импровизации, а также продумывать разные пути отступления, в случае неудачного стечения обстоятельств.

– Это совсем не то же самое.

– Тебя не так-то просто обмануть, – шутливо заметила Ирен. Но брат продолжал оставаться серьезным.

– Ладно, – сказала она. – Давай вернемся к этой теме позже. Не хочу сейчас спорить. Такой чудесный день. И мы почти уже приехали.

Они находились в самом конце бульвара Гарибальди, откуда до железнодорожного вокзала Монпарнас оставалось рукой подать. По неизвестной причине их кэб уже несколько минут стоял, не двигаясь с места.

– Знаешь, Сержи, я тут подумала, если все время использовать разные имена, то в один прекрасный момент можно встретить в одном кругу людей, которые будут знать тебя под разными именами.

– И что предлагаешь?

– Может, составить карту с именами?

– Еще одну карту? – Серж усмехнулся. – Да, займемся этим сразу, как прибудем домой. Да что там такое? Почему стоим? – он высунулся наполовину из окна, но с его стороны была виден только тротуар и угол дома.

Ирен последовала примеру брата. С ее стороны открывалась полная картина.

– Кажется, там кто-то просыпал немного солнца на дорогу.

– Что? – Серж плюхнулся на сиденье рядом с Ирен и, приобняв ее, выглянул в окно. Причиной затора была авария на перекрестке: две повозки с фруктами не вошли в поворот – извозчики, судя по всему, не справились с управлением, телеги столкнулись и перевернулись, перекрыв тем самым движение во всех направлениях. Одна из повозок была почти до краев нагружена спелыми ярко-желтыми лимонами, которые теперь были рассыпаны по всей площади.

– А, вот оно что! – Серж улыбнулся. – Ну и фантазия у тебя, И.

Глава 9. Дядя Джек

– Что случилось, Волк? – дядя Джек сидел на низенькой скамеечке в саду и курил папиросу, скрученную из куска старой газеты и табака, выращенного, собранного и высушенного собственноручно самим же дядей Джеком. Он наблюдал за резвящимся в лучах полуденного солнца здоровым белым псом с большими круглыми глазами и пушистым хвостом. Пес с самого утра был неспокоен, а сейчас и вовсе разошелся. Он бегал по саду, радостно лаял, прыгал, повизгивал, изредка только останавливаясь для передышки. Тогда он садился перед скамейкой, свешивал свой мокрый розовый язык и, уставившись добрыми блестящими глазами на дядю Джека, давал себе несколько минут отдыха.

– Видно, сегодня наши озорники возвращаются домой, раз ты так весел, дружище, – обратился дядя Джек к Волку. Тот в ответ громко гавкнул и бойко завилял хвостом, радуясь, что его наконец поняли. Пес этот был уже стар, но энергии в нем было больше, чем у любого щенка. Причиной тому была его нелегкая бродячая жизнь дворняги, так внезапно оборвавшаяся по счастливой случайности и превратившаяся в блаженную полную любви и ласки жизнь в большом доме с любящими хозяевами. Судьба изрядно потрепала его, безжалостно обрушивая все тягости голодной бездомной жизни на невинную собачью душу, а потом послала спасение в лице юной мисс Адлер, которая, увидев наполовину лысое, наполовину грязное хромоте существо с торчащими ребрами и прижатыми от страха ушами, не смогла остаться равнодушной.

Что касается дяди Джека, то можно было сказать, что история его несколько походила на историю этого пса. Дядя Джек был старым другом мистера Адлера, отца Ирен и Сержа, с которым они вместе провели детство. Мистер Адлер родился в России. Отец его был поляк, а мать русская. Много лет спустя он вернулся на родину, навестил то место, где провел детство, и разыскал старого друга, которого едва ли теперь можно было узнать – так сильно изменила его жизнь. Он был найден на краю погребели, умирающим душевно от тоски и одиночества, и физически от сжегшей его внутренности огненной русской водки, и вывезен из холодной Сибири в Нью-Джерси. Гордый русский характер не позволил бы ему жить на попечении у кого бы то ни было, хоть и у старого друга, а потому он стал работать в доме Адлеров. Спокойный, не изнуряющий физический труд, мягкий климат и людское общество пробудили угасшее пламя этого человеческого существа, вернув ему былое достоинство.

Сейчас, по прошествии более двадцати лет, он являл собой приятного пожилого, но крепкого мужчину чуть за пятьдесят, среднего роста, подтянутого, если не сказать сухого, с загорелыми и огрубевшими от работы руками, местами сбитыми, местами покрытыми мозолями и шрамами. У него было доброе лицо с глубоко прорезанными на лбу неровными горизонтальными линиями морщин, темные взъерошенные волосы с легкой проседью, которые начинали виться на кончиках, чуть только дай им отрасти пониже ушей, и печальные глаза, бывшие некогда голубыми с медово-шоколадными крапинками, но постепенно затянувшиеся серовато-желтоватой дымкой (то ли от табака, то ли от печали) и ставшие совсем карими.

– Ах ты, чертяка, совсем обезумел от счастья, – засмеялся дядя Джек, уворачиваясь от прыгающей на него собаки. – Ну, пойдем, пойдем.

Он встал со скамейки, затушив недокуренную папиросу в маленькой серебряной шка-тулке, по совершенно непонятным причинам служившей ему пепельницей, и пошел через сад, увлекаемый белоснежным псом, чья спина в суетливой пляске мелькала меж кустами и клумбами, то приближаясь, то отдаляясь вновь.

Дойдя до конца сада, дядя Джек, не торопясь, принялся открывать большие кованые ворота с замысловатым рисунком, которые были так низко посажены над каменной дорожкой, что даже самый маленький пес не смог бы пролезть под ними. Волк с нетерпением ждал,

когда между тяжелыми открывающимися створками появится промежуток, пригодный для того, чтобы проскользнуть в него и, наконец, дождавшись, выскочил наружу и умчался вниз по дороге.

– Ирен, Серж! Вернулись мои малютки! – охала и восклицала Урсула, обнимая и зацеловывая хохочущих брата и сестру, которые и так едва удерживали равновесие под натиском молчаливых, но крепких объятий дяди Джека, ликующей радости Волка, пытающегося запрыгнуть на руки сразу к обоим, и мягкой ласке урчащего кота, которому все-таки удалось забраться на одни руки и уткнуться мордочку в тонкую вкусно пахнущую ключицу.

КНИГА II. Блеф

ЧАСТЬ 1. Лувр

Глава 1. Мистер Траблс

«Бедная! Снова на работу. Работа и Ирен – интересное сочетание», – думал Серж, наблюдая за спящей сестрой. Пару месяцев назад Ирен удалось получить место в одной государственной конторе. Она держалась за него крепко, работу выполняла исправно, с полной отдачей, как она делала все, что было ей в значительной степени интересно, и даже получала жалование дважды в месяц. Жалование, конечно, было мизерное, его бы даже не хватило, чтобы расплатиться за апартаменты в центре Парижа, которые они сейчас занимали. Но работа эта была им необходима. Не то чтобы с деньгами стало все настолько плохо, однако она и впрямь должна была значительно улучшить их финансовое положение. Косвенным образом, разумеется. И главная роль в задуманном мероприятии, как всегда, отводилась Ирен.

По этой причине она поднималась ни свет ни заря каждый будний день вот уже целых два месяца. А Серж вставал еще раньше, чтобы разбудить ее, поскольку пробудиться сама она была не в силах. Он наблюдал за сестрой некоторое время, ожидая, когда она пошевелится – это являлось признаком того, что сон ее стал более чутким, а значит, пробуждение будет не таким тяжелым. Ирен всегда спала, свернувшись калачиком и подтянув колени к животу. Когда они жили дома, в бабушкином особняке, внутри этого калачика дремал еще один, пушистый и мягкий – их кот Мистер Траблс⁶. Как и все коты, он любил тепло, но любил его особенно, всей душой. Наверное, потому что чуть не погиб от холода, когда был совсем мал.

Это было поздним февральским вечером. Почти все заведения и лавки уже закрылись, улицы опустели и погрузились во мрак, обледеневшие тротуары поблескивали в желтом свете газовых фонарей. Мистер Траблс, будучи тогда безмянным новорожденным котенком, являл собой жалкий мокрый клубок шерсти – один из миллионов ужасающих примеров людского жестокосердия, при виде которого у любого здорового человека защежит сердце.

В тот судьбоносный вечер котенок забился в угол между фасадом и ступенями мясной лавки. Его привлек запах и тепло, которое струилось белым взвивающимся паром из большой лужи горячей воды, вылитой за порог хозяином лавки незадолго до закрытия. Ирен и Серж возвращались из театра в гостиницу. Они решили размяться и подышать свежим воздухом перед сном, поэтому не стали брать кэб и пошли пешком. Они шли молча, каждый был погружен в свои мысли. Тишину улицы нарушал лишь звонкий стук каблуков Ирен, заглушавший шаги брата. Ирен то и дело ежилась от холода, стараясь все глубже укутать руки в муфту и вжать голову в плечи, покрытые меховым воротником, отчего походила на нахохлившегося воробья. Внезапно ее ухо уловило тоненький писк, иглой вошедший в ее мысли. Ирен вздрогнула и очнулась.

– Серж, – крикнула она, остановившись. – Серж!

Брат уже успел убежать вперед и не сразу понял, что произошло. Выйдя из мыслительного оцепенения, он развернулся и пошел к Ирен. Она сидела на корточках у обледенелых ступеней мясной лавки, подобрав складки платья, и тянулась рукой через грязную еще не успевшую замерзнуть до конца лужу. Серж подошел ближе. В темном углу, на который не попадал желтый свет фонаря, он кое-как разглядел коричневый комок грязи, издававший слабый писк.

– Ну же, иди сюда, малыш, – тянулась к нему Ирен, стараясь не упасть в лужу. – Не могу достать, Серж. Из-за этой дурацкой лужи.

⁶ Траблс (англ. troubles) – неприятности.

– Это котенок? – хмурясь, спросил Серж. Ему показалось, что это какой-то мелкий грызун – уж очень он был страшный: грязный, облезлый, с тоненьким лысым хвостом. Но когда зверек издал слабый прерывистый писк, Серж узнал в нем котенка. – Зачем он тебе?

– Что значит зачем? Лучше помоги мне!

– Ирен, на улицах города толпы бездомных животных. Ты же не будешь их всех тащить в дом?

– Не оставлять же его здесь! Посмотри, какой он крохотный. Тут ужасно холодно. Он же погибнет.

– У нас уже есть Волк.

– И что? – Ирен встала. – Ты просто не любишь котов! Был бы это щенок, ты бы тоже над ним сжалился.

– Не в этом дело, – попытался оправдаться Серж, хотя это и было правдой. – Просто ты не можешь спасти всех бездомных животных.

– Я и не собираюсь спасти всех. Но я могу спасти одного или двух. И если бы каждый человек так делал, в мире бы не осталось бездомных животных! – воскликнула в сердцах Ирен, и слова ее гулким эхом прокатились по пустынной улице. На щеках выступил румянец. – Я все равно заберу его. Не хочешь помогать, так не мешай.

– Ладно, – брат смягчился в лице. – Подожди.

Он поднялся по ступеням и перелез через перила. Держась за перила одной рукой, он свесился с крыльца, а другой сгреб котенка. Малыш целиком поместился в его ладонь. Ирен опустила котенка в муфту, подвернув нижнюю ее часть, чтобы он не вывалился, и они с братом зашагали дальше.

– Как ты вообще его разглядела? Я сначала подумал, что это крыса.

– Я и не разглядела. Просто услышала писк.

– А! – Серж усмехнулся. – Это женское... Способность улавливать высокие частоты – писк котенка, плач младенца. Я вот его не услышал. Буду теперь будить тебя писком.

– Ты? Да ты не сможешь взять и до третьей октавы.

– Иииии... – издал брат тоненький писк.

Из муфты отозвался котенок. Ирен и Серж рассмеялись.

– Видишь, признал в тебе своего. А ты не хотел его брать.

– На самом деле, я рад. И как мы его назовем, нашего нового члена семьи?

– Не знаю. Что-нибудь придумаем.

– Какого он хоть цвета?

– Не знаю, – Ирен улыбнулась. – Он такой грязный... Да и темно.

– Это точно котенок? Может, все-таки мышь?

– Точно! – Ирен засмеялась и легонько толкнула брата плечом.

После банно-пенных процедур, устроенных Ирен и Урсулой на следующий день для маленького уличного пришельца, взору мужской части Адлер-Хаус предстал невероятно очаровательный бело-рыжий пушистый котенок с большими голубыми глазами и влажным розовым носом. Белые пятна на рыжем фоне делали его тело обутом в носочки, подвязанным белой манишкой, а его мордочку – будто бы запачканной наполовину в молоке, которое, казалось, стекало с усаых щек и подбородка на пушистую шею и грудь.

Со всеми этими наружными характеристиками, присущими любому приличному котенку, сочеталась одна уникальная внешняя особенность: совершенно симметричный рисунок на левой и правой половинках рыжей спины, выложенный более темным оттенком рыжего, как аппликация из непонятных фигур, зеркально отраженная вдоль позвоночника. Эта особенность натолкнула новоиспеченных хозяев котенка на мысль о прозвище «Баттерфляй»⁷.

⁷ Баттерфляй (англ. butterfly) – бабочка.

Вместе с тем было выдвинуто предложение назвать его «Мистер Траблс» в память о неприятностях, которые он с достоинством перенес в столь юном возрасте.

В это время Волк – еще одно пушистое существо Адлер-Хаус, о котором на время забыли, – ничего не предлагал и не выдвигал, а лишь изумленно и немного встревоженно разглядывал мохнатого незнакомца, еще не признав в нем своего будущего собрата по блаженно-сонному безделью, хозяйскому обожанию и домашне-уличному веселью, а также коллегу по нюхательно-пробовательному исследованию мира и разгрызательно-облизывательному дегустированию лакомств Урсулы. Немного подумав, пес пришел к выводу, что усатый объект не представляет опасности ни для него, ни для хозяев, а скорее наоборот, нуждается в защите и опеке в силу маленького размера. Кроме того, этот зверь не случайным образом проник в дом, а был принесен хозяевами и, судя по всему, его присутствие доставляет им много радости. А что хорошо для хозяина, хорошо и для его собаки. С этими мыслями Волк лизнул котенка мокрым шершавым языком в знак дружбы. Котенок, еще не умевший толком держать равновесие на тоненьких лапках, неуклюже рухнул на бок и, под общее умиление и хохот, был назван Мистером Траблсом Баттерфляем, получив сразу и имя, и фамилию, и статус джентльмена.

С этого момента молочно-рыжий обладатель четырех хозяев и одного огромного лохматого друга ежедневно оправдывал свою кличку, вторая часть которой со временем отпала. Казалось, не было на свете более неловкого существа. Маленький неуклюжий котенок, то и дело недопрыгивающий или перепрыгивающий нужное место, падающий со всевозможных поверхностей, пробуящий на зуб все съедобное и несъедобное вплоть до мебельных углов, превратился в большого неуклюжего кота, все также недопрыгивающего или перепрыгивающего нужное место, случайно роняющего отъеденными боками и длинным хвостом всевозможные предметы с горизонтальных поверхностей и, наконец, до смерти пугающегося неизвестных звуков, объектов и явлений. Не стоит уж и говорить о том, что он с завидным постоянством и по неведомым причинам взбирался на деревья в саду, а потом, жалобно мяукая, оповещал всех о неспособности спуститься на землю, и добросердечный Волк, как всегда, первым слышав отчаянный вопль друга, мчался к хозяевам за подмогой.

Один из презабавнейших случаев с Мистером Траблсом произошел однажды в спальне Сержа, пока тот, сидя на полу, изучал какие-то старые военные карты. Мистер Траблс прогуливался по шелковому покрывалу, наспех накинутому Сержем на кровать прямо поверх подушек, которые в сочетании с покрывалом образовали у изголовья большие покатые холмы. Дюймах в десяти от этих шелковых холмов располагался небольшой прикроватный столик, у которого было две круглых столешницы: большая сверху и маленькая внизу. Нижняя столешница была отломана от своей ножки и, не найдя времени, а скорее желания починить столик, Серж аккуратно положил столешницу на державшую ее прежде ножку и благополучно забыл об этом.

В тот самый момент, когда Мистер Траблс дошел до края холма и двумя передними лапами уже ступил на верхнюю столешницу прикроватного столика, Серж закончил изучать карту, выпустил ее края из рук, распрямил спину и поднял голову. Карта в одно мгновение, шелестя, скрутилась обратно в рулон и подпрыгнула, издав хлопающий звук. Мистер Траблс, как всегда, испугавшись незнакомого звука, потерял концентрацию, его задние лапы соскользнули с шелкового покрывала, гладкая шерстяная попа столкнулась с покатым слоем кровати и, только успев испуганно округлить глаза, он будто с горки полетел вниз, высоко задрав передние лапы над головой, как ребенок, поднимающий руки вверх от радости. Пройдя строго в промежутке между кроватью и столиком, кот с грохотом приземлился всем своим весом на сломанную нижнюю столешницу, она подлетела, рыжий бедолага, кувыркнувшись, рухнул на пол, столешница ударилась о верхнюю часть столика и шлепнулась обратно на кота. Мистер Траблс, ошарашенный такими внезапными изменениями положения своего тела в пространстве, непонятными звуками и летающими предметами, из последних сил вскочил на ноги и бешеными

скачками умчался в неизвестном направлении под истерический хохот Сержа. И кто сказал, что кошки – это олицетворение грации?

Глава 2. Лиззи

Если Лувр открыт, в нем всегда есть посетители. С самого утра, как только открывается дверь музея, в него врывается горстка беспокойных туристов, похожих на взъерошенных воробьев. Они приходят первыми, чтобы постоять в одиночестве возле полотен великих мастеров и почувствовать что-то такое, чего нельзя почувствовать в шумном душном зале, переполненном незнакомыми людьми.

Как и в любое другое утро, смотрительницы музея уже заняли, зевая, свои неприятельные посты в виде скрипучих стульчиков в роскошных залах и коридорах бывшего королевского дворца.

Мадам Уни с сожалением поглядела на пустующее место на стене, где вот уже много лет привыкла видеть «Мону Лизу» кисти великого Леонардо да Винчи, которую она ласково называла Лиззи. Около месяца назад объявился в музее какой-то неслыханно богатый не то австрийский, не то немецкий князь, который сделал щедрое пожертвование на благо музея, а после пожелал получить копию портрета Моны Лизы в свою частную коллекцию и даже специально для этого выписал художника из Италии. Сама мадам Уни князя, разумеется, не видела, но много слышала о нем, благодаря чему совершенно ясно представляла себе его облик, походку и манеру говорить, будто и вовсе была с ним знакома. Невозможно было понять, кто первый из работников музея поведал о князе, но от слуха к слуху внешность его обростала все новыми и новыми деталями. То говорили, будто он преклонных лет, с бородой, усами и прихрамывает на одну ногу, то наоборот, будто лицо у него молодое, без морщин и голос совсем мягкий, тихий, без хрипотцы. Но в остальном все сошлись на одном: кожа и волосы светлые, а глаза голубые, ясные.

Именно по причине возникновения в музее этого человека, ее Лиззи теперь постоянно отсутствовала на своем почетном месте, пока в мастерской с ней работал какой-то малоизвестный, но очень талантливый художник по имени Франческо Перруджо. Художник этот был весьма странный: ни с кем не разговаривал, в музее вроде бы каждые два-три дня появлялся, но кроме охранника его никто ни разу не встречал в течение дня. Не художник, а привидение какое-то...

Неожиданно ровное течение мыслей мадам Уни нарушил случайно возникший молодой человек.

– А что, картину украли? – выпалил посетитель, неприятно ухмыльнувшись. Очевидно, он счел свою шутку очень оригинальной.

– Картину фотографируют для журнала, – важно ответила смотрительница, отводя взгляд в другую сторону, давая тем самым понять, что нужно серьезнее относиться к великому искусству. Этот молодой человек был отнюдь не первым, кто острил подобным образом, а даже, кажется, триста первым, ведь ее Лиззи не бывало на месте по два, а то и по три дня в неделю, вот уже больше месяца. Впрочем, эти шутники нисколько не надоели мадам Уни. Наоборот, отвечая на их глупые вопросы, она каждый раз испытывала чувство легкого превосходства и бесхитростной радости от того, что была причастна ко внутренним делам музея самого высокого уровня. Весомости придавал еще и тот факт, что в эти внутренние дела мадам Уни была посвящена первой из всех смотрительниц, потому как именно в ее владениях находилась картина. И о важной персоне, и о денежном пожертвовании в дар музея, и о заказанной копии, над созданием которой будет трудиться специально приехавший из Италии художник, ей поведала новоиспеченная помощница управляющего музея по имени Изабель Ален, а уж потом и сама мадам Уни распространила эту новость среди других сорока трех смотрительниц музея. Под строжайшим секретом, разумеется.

В другом конце коридора возникла спешившая на свое рабочее место мисс Ирен Адлер. Она шла быстрым шагом, почти бежала, с немного растрепавшимися кудрями и раскрасневшимися щеками.

– Доброе утро, мадмуазель Ален. Как ваш отпуск?

– Доброе утро, мадам Уни, – ответила, останавливаясь, веселая Ирен со сбившимся дыханием. – Да это не отпуск вовсе. Мне нужно было отлучиться на пару дней: моя племянница заболела, и тете не с кем было ее оставить. Они живут одни в пригороде Лилля. После приезда доктора малышка почти сразу пошла на поправку, а я отправилась обратно.

– Ну, дай-то бог! Дай-то бог!

– Франческо вчера приходил рисовать? Все прошло хорошо?

– Не знаю, мадмуазель Ален, я его не видела. А у охраны не спрашивали?

– На входе вчера был месье Руже, а сегодня месье Рёж, он ничего не знает.

– А, верно, верно. А управляющий его не видал?

– Вряд ли. Они виделись только когда Франческо впервые сюда пришел. Я их познакомил и, кажется, с тех пор они ни разу не пересекались. Обычно Франческо приходит с раннего утра, когда в музее еще никого нет, кроме охраны, сразу же идет в мастерскую и работает до позднего вечера.

– Ах вон оно что.

– Да-а... Он даже не отлучается в течение дня на обед.

– Как так? – искренне удивилась мадам Уни.

– Творческие люди, – развела руками Ирен. – И еще ужасно не любит, когда его беспокоят во время работы. Только мне разрешил, и то на крайний случай. Но даже когда я захожу, все равно ворчит. Или, наоборот, молчит как рыба с хмурым лицом. Недовольный. Правда, я все равно захожу под разными предлогами, конечно. А что ж поделать? Если бы не заходила, мы бы вообще про него забыли. Пойду, пожалуй, сразу туда, заберу картину и привезу вам, на место, пока еще не нагрянули туристы, а потом уж в кабинет.

– Ага, с Богом!

– Хорошего дня, мадам Уни.

– Спасибо! И вам, мадмуазель Ален, – крикнула смотрительница в след убегающей помощнице управляющего музея. «До неприличия хороша», – подумала мадам Уни, прощаясь взглядом Ирен.

Оказавшись у мастерской, мисс Адлер открыла дверь ключом, взятым у охранника, и вошла внутрь. Мастерская представляла собой большой светлый зал на чердачном этаже одной из башенок замка в отдаленной его части. Потолок в зале был низкий, зато от самого верха к полу спускались большие стеклянные окна. Они занимали три стены из четырех, благодаря чему комната была буквально залита светом. В промежутках между окнами располагалось несколько мягких кресел. Вдоль четвертой стены тянулся бесконечный ряд стеллажей, комодов, ящиков и полок, заполненных художественными принадлежностями, не поддающимися подробному описанию. В центре стоял огромный дубовый стол, испещренный мелкими бороздками и трещинками, образующими сложный геометрический узор на его лаковой поверхности. Рядом с ним находилась тележка для картин. Это была узкая прямоугольная платформа с высоким сетчатым бортиком с одной стороны и коротким железным бортиком с другой. На ней размещались несколько полотен, отправленных на реставрацию. Ирен сама привезла их сюда еще до своего отъезда. Все пространство комнаты было сплошь заставлено мольбертами, металлическими стойками для картин, досками, подрамниками, деревянными табуретами и столиками. Но, несмотря на все это бесчисленное количество предметов, мастерскую нельзя было назвать загроможденной, а скорее даже наоборот: в ней было столько света

и воздуха, что она казалась почти пустой. Впрочем, в некотором смысле она и была пустой: в ней не было главного – портрета Моны Лизы, который Ирен пришла забрать.

Она подошла к окну, встала к нему спиной, постояла еще несколько секунд, не двигаясь, как бы собираясь с силами, а затем, набрав полные легкие воздуха, отчаянно завизжала, что есть сил, и тут же рухнула на пол, потеряв сознание.

Глава 3. Князь

За два месяца до исчезновения картины.

День выдался пасмурный и дождливый. Несмотря на промозглую погоду, управляющий музеем месье Жердон пребывал в мечтательном настроении, на душе у него была весна. Он сидел в кабинете в уютном кресле и разглядывал картину около входной двери. «Какое странное полотно, даже, можно сказать, страшное. И как оно могло мне нравиться? Надо будет сказать Изабель, чтобы поменяла его на что-нибудь прекрасное. Ведь есть же у нас в музее что-нибудь малоизвестное, но прекрасное. Я бы предпочел, конечно, чтобы здесь висел ее портрет – вот это и впрямь прекрасное. И малоизвестное». Месье Жердон усмехнулся своей остроте. А ведь и правда, он практически ничего не знал о ней. И откуда она взялась, эта женщина? Это был риторический вопрос.

Месье Жердон погрузился в воспоминания. Он не только хорошо помнил события того вечера, когда имя Изабель Ален впервые коснулось его ушей, но и мог точно назвать время и место. Объяснялось это тем, что в конце каждой трудовой недели месье Жердон заходил в один и тот же бар неподалеку от музея, чтобы отдохнуть от работы. Пятничными вечерами бар всегда был переполнен, однако месье Жердону это не мешало. Главное, никто и ничего от него не требовал. Ни смотрительницы, ни охранники, ни пресса, ни городские службы – никто!

В один из таких вечеров месье Жердон, как всегда, сидел один, погруженный в мрачные думы, до смерти измотанный и уставший, пока к нему не подошел незнакомый господин весьма приятной наружности. Он осведомился, не против ли месье разделить с ним свой столик. Месье Жердон был не против. Слово за слово, они разговорились, и месье Жердон не заметил, как выложил незнакомцу всю свою подноготную. Такая откровенность была ему не свойственна, хотя господин напротив, безусловно, был интереснейшим собеседником. Помимо тонкого ума и красноречия, этому человеку была присуща какая-то исключительная природная пронизательность: незнакомец задавал месье Жердону такие глубокие вопросы, о которых сам месье Жердон никогда прежде не задумывался и, отвечая на них, узнавал себя самого с новой, совершенно неожиданной стороны. Месье Жердон говорил и не мог надивиться тому, какое влияние оказывает на него этот господин. Они проговорили весь вечер, к концу которого у месье Жердона сложилось стойкое ощущение, что он знает своего собеседника всю жизнь. Просто удивительно, какое расположение могут вызывать к себе некоторые люди.

И вот что любопытно, именно этот человек посоветовал месье Жердону нанять помощницу. Жалование ей можно было платить небольшое, зато она могла взять на себя значительную часть его обязанностей, которые были совсем не сложные, но отнимали уйму времени. Такое замечательное и простое решение, и почему месье Жердон сам до него не додумался? Он уже размечтался, как чудесно будет избавиться от половины своей каждодневной рутины, когда вдруг понял, что именно из-за нее не найдет ни секунды времени на поиски помощницы. Однако и с этим его новый знакомец разобрался в три счета. Оказалось, что он был не местным и приехал во Францию к старому другу. По счастливой случайности у его друга была дочь, которая как раз подыскивала себе работу. Господин был столь любезен, что пообещал месье Жердону устроить с ней встречу в ближайшие дни. Встреча состоялась и увенчалась тем, что месье Жердон в тот же день принял на работу юную леди.

Именно ее стук в дверь кабинета прервал плавное течение его мыслей.

– А, мадмуазель Ален, – обрадовался он. – Входите!

– Месье Жердон, к вам пожаловал князь!

– Какой еще князь?

– Простите. Я сама ничего не знала про это, – затараторила помощница, – он явился так неожиданно... Его зовут Герхард Клеменс Венцель фон Вальдштадт. Он подъехал к главному входу на карете, его лакей просил доложить о нем и сказал, что князь хотел бы побеседовать с управляющим, а также совершить совместную прогулку по музею, если вам будет угодно. А пока он будет ждать в карете.

– Действительно неожиданно, – месье Жердон встал с кресла и начал поправлять пиджак. – Ну что ж, тогда я сам его встречу.

– Хорошо.

– Премного благодарен вам, мадмуазель Ален.

Девушка кивнула.

– Простите, как, вы говорите, его зовут?

– Герхард Клеменс Венцель фон Вальдштадт.

– О, мать божья! Мне никогда этого не запомнить.

Помощница снисходительно улыбнулась в ответ и вышла из кабинета.

Обычно, встречи с богатыми меценатами проводил директор музея. Большую часть времени он находился в разъездах, но даже когда был в Париже, Лувр посещал довольно редко и только тогда, когда того требовали неотложные внутренние дела музея. Именно поэтому все важные встречи всегда назначались заранее. Однако князь то ли не знал об этом, то ли намеренно не хотел делать из жеста доброй воли целое событие, в любом случае, явился он так неожиданно, что месье Жердону не оставалось ничего, кроме как оказать ему достойный прием. Это было для него делом не совсем привычным, поэтому, услышав размер суммы, которую князь хотел пожертвовать во благо музея, он не смог сдержать радостных восклицаний, которые эхом прокатились по коридорам дворца, еще не заполненного посетителями. Князь едва заметно улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.